ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РЕВОЛЮЦ БОРЬБЫ ЕВРОП ПРОЛЕТАР

3-й экз

Aus der Geschichte des Europäischen revolutionären Proletariats.

Prix: 30 cts. — 20 pf. — 3 d. — 5 cent.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Луначарскій

Очерки изъ исторіи революціонной борьбы европейскаго пролетаріата.

Изданіе Центр. К-та Р. С. Д. Р. П.

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи, Quai du Cheval Blanc, 6.
1905.

На складѣ экспед. Р. С.-Д. Р. П. имѣются слѣд. изданія:

1. **Галерка.** Долой бонапартизмъ! (Разборъ и критика декларацiи Ц. К.).
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

2. **Галерка и Рядовой.** Наши недоразумѣнія.
Цѣна: 50 cts. — 40 pf. — 5 d. — 10 cent.

3. **Къ Партіи.**
Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

4. **Рядовой.** О соціализмѣ.
Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

5. **Шаховъ, Н.** Борьба за съѣздъ.
Цѣна: 60 cts. — 50 pf. — 5 d. — 10 cent.

6. **Галерка.** На новый путь.
Цѣна 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

7. **Рѣчь Людмилы Громозовой.**
Цѣна 10 cts. — 10 pf. — 1 d. — 2 cent.

8. **Услужливый Либералъ.**
Цѣна: 5 cts. — 5 pf. — — d. — 1 cent.

9. **Ленинъ, Н.** Земская кампанія и планъ Искры.
Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

10. **Рядовой.** Либеральныя программы.
Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

11. **Орловскій.** Совѣтъ противъ Партіи.
Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

13. **Ленинъ Н.** Заявленіе и документы о разрывѣ центральныхъ учрежденій съ Партіей.
Цѣна: 15 cts. — 10 pf. — $1^1/_2$ d. — 3 cent.

14. **Марксъ и Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической партіи.
Prix: 50 cts. — 40 pf. — 15 d. — 10 cent.

15. **Докладная записка Лопухина съ предисловіемъ Н. Ленина.**
Prix: 50 cts. — 40 pf. — 5 d. — 10 cent.

16. **В. Воиновъ.** Какъ петербургскіе рабочіе къ царю ходили.
Prix: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

17. **Н. Н.** Царь и народъ.
Prix: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. 5 cent.

18. **Къ товарищамъ-крестьянамъ.**
Prix: 10 cts. — 10 pf. — 1 d.—1 cent.

Aus der Geschichte des Europäischen revolutionären Proletariats.

Prix: 30 cts. — 20 pf. — 3 d. — 5 cent.

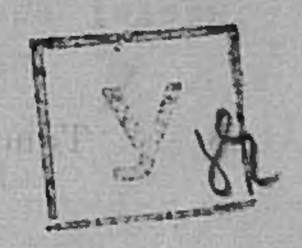
Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Очерки изъ исторіи революціонной борьбы европейскаго пролетаріата.

Изданіе Центр. К-та Р. С. Д. Р. П.

ЖЕНЕВА.
Типографія Паріи, Quai du Cheval Blanc, 6.
1905.

Очерки по исторіи революціонной борьбы европейскаго пролетаріата.

Очерки революціонной борьбы пролетаріата за политическую свободу и соціализмъ, печатаніе которыхъ мы начинаемъ, не имѣютъ своею цѣлью излагать послѣдовательно всѣ событія великой французской и другихъ европейскихъ революцій: мы отсылаемъ читателя ко множеству легальныхъ книгъ, по которымъ онъ может познакомться съ общимъ ходомъ революцій. Здѣсь мы хотѣли лишь дать рядъ очерковъ непосредственной борьбы на улицахъ, борьбы именно пролетаріата. Въ квкую форму отливалось революціонное настроеніе рабочихъ массъ въ эпохи революціоннаго броженія? Что обусловливало собою успѣхи отдѣльныхъ актовъ революціонной борьбы? Что приводило къ пораженіямъ революціоннаго пролетаріата? — вотъ вопросы, отвѣтамъ на которые мы постараемся способствовать нашими очерками. Въ настоящее время, когда закипѣло стоячее русское море, когда время призываетъ пролетаріатъ къ огромной боевой роли, распространеніе знакомства съ практической стороной революціонной борьбы далеко не будетъ излишнимъ.

I.

На зарѣ Великой Революціи.

Къ началу великой французской революціи пролетаріатъ Франціи и въ-особенности Парижа, который былъ главной ареной революціонной борьбы, былъ еще очень мало развитъ какъ политически, такъ и экономически.

Парижскій пролетаріатъ, мужеству и силѣ котораго французская революція обязана въ значительной мѣрѣ своимъ успѣхомъ, ютился главнымъ образомъ въ двухъ предмѣстьяхъ: въ предмѣстьѣ св. Марселя и въ предмѣстьѣ св. Антонія. Достаточно дать общее представленіе объ этихъ пригородахъ, чтобы показать, какъ мало экономически опредѣлился въ то время пролетаріатъ.

Предмѣстье св. Марселя имѣло въ то время больше 30.000 населенія. Это былъ сплошь трудовой людъ. Большихъ фабрикъ

или мануфактуръ было сравнительно мало. Преобладали мелкія кожевенныя и краильныя мастерскія. Мастеръ работалъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ со всею своей семьей, не покладая рукъ, и радъ былъ, если всѣ домашніе были сыты. Рабочихъ держали немного, ѣли съ ними за однимъ столомъ. Эксплуатація при такихъ условіяхъ была мало замѣтна. Фабричные рабочіе составляли значительное меньшинство, и ихъ отношеніе къ хозяевамъ не было конечно столь патріархальнымъ.

За то страшенъ былъ экономическій гнетъ королевско-чиновничьяго и дворянско-поповскаго правительства. Стоитъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: на каждую кожу налагалось клеймо, за которое взималась съ ремесленниковъ сумма, равная половинѣ ихъ заработка на выдѣлкѣ кожи. Этого мало: каждому чиновнику ничего не стоило вымогать отъ этихъ несчастныхъ все, что ему было угодно, онъ могъ обращаться съ ними, какъ со своими невольниками; малѣйшее неповиненіе, — и мастерская обвинялась въ наложеніи на кожу фальшивыхъ клеймъ; оправдаться въ этомъ было почти невозможно, а въ наказаніе за такое преступленіе полагались галеры (каторга) для мужчинъ и публичное наказаніе кнутомъ для женщинъ, виновныхъ якобы въ томъ, что не удержали своихъ мужей или отцовъ отъ преступленія! Можно себѣ представить, съ какою злобой должны были относиться къ изящному, праздному и жестокому придворному и дворянскому міру эти труженники, — работу, достояніе и самую честь которыхъ привиллегированные господа топтали въ грязь своими щегольскими красными каблуками. Не удивительно, что изъ предмѣстья св. Марселя во всѣ критическіе дни революціи выходили страшныя, озлобленныя толпы, ощетинившіяся цѣлымъ лѣсомъ пикъ.

Не удивительно однако и то, что передъ ненавистью къ правительству и привиллегированнымъ сословіямъ смолкали нелады между хозяевами и рабочими. Тѣ и другіе жили еще сплошь и рядомъ общею жизнью, у пролетаріата не было еще сознанія противоположности своихъ интересовъ буржуазнымъ. Замѣтнѣе была разница между бѣдными и богатыми, которая, какъ мы увидимъ, часто прорывалась. Жители предмѣстья св. Марселя, мастера, подмастерья и ученики—всѣ выступали, какъ классъ бѣдныхъ людей.

Въ огромномъ предмѣстьѣ св. Антонія жили по преимуществу столяры и обойщики. Во всѣхъ улицахъ можно было здѣсь видѣть изящную мебель, но то была мебель на продажу, въ жилищахъ же ремесленниковъ было голо. Здѣсь же проживала масса неимущаго люда: поденщиковъ, тряпичниковъ, разносчиковъ, шарманщиковъ и просто нищихъ. Задавленные нищетою, они, конечно, не могли не чувствовать озлобленія противъ привиллегированныхъ. Не жалѣя своей горькой жизни, они героически поддерживали зажиточную буржуазію въ ея борьбѣ съ политическимъ гнетомъ. Громкія слова о свободѣ, равенствѣ и братствѣ сулили имъ какъ будто лучшее будущее. Но это не мѣшало имъ часто вы-

сказываться относительно буржуазіи съ какой то скорбной ироніей. Часто на клики: да здравствуетъ свобода — эти оборванные герои отвѣчали: „и потомъ дайте намъ хлѣба".

„Всѣ люди братья! Люди рождаются и пребываютъ равными!" Съ такими лозунгами выступала буржуазія въ своей борьбѣ противъ всѣмъ ненавистнаго порядка. Темный людъ, труженники немогли не поддержать третьяго сословія. Въ этомъ отношеніи они были совершенно правы. Но по обстоятельствамъ времени они не могли также сплотиться въ самостоятельную силу, которая боролась бы рядомъ съ буржуазіей, умѣя въ то же время отстаивать свои права и отъ этой послѣдней.

Когда прижатый къ стѣнѣ тяжелымъ финансовымъ кризисомъ король рѣшился созвать представителей народа, то избирательное право было признано лишь за имущими классами. Никому изъ пролетаріевъ или бѣдныхъ ремесленниковъ не пришло въ голову протестовать противъ этого; изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы пролетаріи относились съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ тѣмъ богатымъ хозяевамъ, которые оказались представителями народа.

Время переживалось въ экономическомъ отношеніи трудное. Рабочіе фабрикъ и мануфактуръ, и безъ того полунищіе, боялись пониженія платы. Ко всякому слуху о стремленіи хозяевъ воспользоваться засѣдавшими въ то время собраніями избирателей противъ рабочихъ, относились крайне нервно.

Однимъ изъ виднѣйшихъ и либеральнѣйшихъ представителей немногочисленныхъ въ то время парижскихъ фабрикантовъ былъ владѣлецъ большой писчебумажной фабрики Ревильонъ. Онъ слылъ гуманнымъ, онъ устроилъ для своихъ рабочихъ кассу взаимопомощи, но вѣдь мы знаемъ хорошо цѣну подобнаго рода гуманности и подобнаго рода кассъ. Фактъ тотъ, что этотъ Ревильонъ въ рѣчи передъ своими избирателями, указывалъ на возможность понизить рабочую плату до пятнадцати су (30 коп.) Вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи разнеслась среди пролетаріата. Толпы рабочихъ повалили къ дому Ревильона. Къ нимъ присоединились ремесленники бумажнаго производства, ненавидѣвшіе крупнаго капиталиста Ревильона за его убійственную для нихъ конкурренцію.

Грозная, вооруженная камнями толпа разрушила домъ Ревильона, сожгла его изображеніе и съ криками мести манифестировала на Гревской площади. Правительственная власть бездѣйствовала. Король и его совѣтники злорадствовали: имъ любо было напугать буржуазію народомъ. Но на слѣдующій день правительство рѣшило наконецъ показать свою силу. Солдаты дали нѣсколько залповъ по все еще не разсѣевшейся толпѣ. Было много убитыхъ. Раненныхъ положили по два на кроватяхъ госпиталя. Арестованныхъ судили и вѣшали. Изъ допроса выяснилось, что толпа состояла изъ рабочихъ всѣхъ цеховъ и всѣхъ предмѣстій Парижа.

Казалось бы, эта бойня должна была напугать буржуазію, показать ей опасности революціи и попечительную силу правительства. Казалось бы, кровь, пролитая передъ домомъ либеральнаго буржуа, должна была оттолкнуть народъ отъ всякаго союза съ передовымъ классомъ общества, но сила общаго негодованія противъ стараго порядка была такова, что никакія взаимотренія не могли остановить общаго революціоннаго движенія.

Прошло немного времени; произошелъ окончательный разрывъ между королемъ и народными представителями, среди которыхъ руководящую роль и подавляющее значеніе пріобрѣли депутаты буржуазіи. На угрозу короля разогнать собраніе — оно отвѣтило угрозой отдаться подъ покровительство парижскаго населенія. Король понялъ, что, не сломивъ Парижа, нельзя сломить собранія и сталъ понемногу сосредоточивать въ Парижѣ войска. Съ изумительнымъ революціоннымъ инстинктомъ парижскій народъ понялъ, что ему нужно расположить въ свою пользу самое войско. Положеніе французскаго солдата было не изъ сладкихъ, никакой героизмъ не могъ сдѣлать его офицеромъ — это была привиллегія дворянъ; на прокормленіе солдату выдавалось около 15 коп. въ день. Это служило прекрасной почвой для пропаганды. Парижане старались въ особенности брататься съ французской гвардіей.

Въ концѣ іюня нѣсколько гвардейцевъ за нарушеніе дисциплины были заключены въ тюрьму Аббэй, носились слухи о жестокомъ наказаніи ихъ. Толпы народа вышибли двери тюрьмы и взяли солдатъ подъ свою защиту. Огромная толпа оберегала ихъ до тѣхъ поръ, пока народъ черезъ посредство національнаго собранія не добился у короля ихъ помилованія.

Король, еще болѣе озлобленный, продолжалъ собирать войско, чтобы раздавить Парижъ. Делегатъ національнаго собранія, великій ораторъ Мирабо спрашивалъ въ блестящей рѣчи: „не хочетъ ли король сдѣлать французскаго солдата чистымъ автоматомъ? отдѣлить его отъ интересовъ, чувствъ и мыслей его согражданъ? — Нѣтъ, не смотря на слѣпое послушаніе и военное повиновеніе, они не забудутъ, кто мы: они узнаютъ въ насъ своихъ родителей, друзей, родственниковъ, защищающихъ ихъ кровные интересы. Развѣ они не часть націи, свободу и честь которой мы защищаемъ? Нѣтъ, этихъ людей, этихъ французовъ не удастся превратить въ совершенныхъ идіотовъ, которые станутъ бить, не спрашивая о томъ, кого они бьютъ!“

Парижскій народъ, съ одной стороны, морально обезоруживалъ армію, съ другой стороны, позаботился вооружиться самъ. Руководство въ этомъ дѣлѣ взяли на себя собранія избирателей. Дѣло въ томъ, что избиратели выбирали не непосредственно депутатовъ, а такъ называемыхъ избирателей второй степени, которые уже и назначали депутатовъ. 407 парижскихъ избирателей 2-ой степени продолжали свои собранія, пользуясь большимъ авторитетомъ среди парижскаго населенія.

10-го Іюня въ Тюльери произошла стычка народа съ кавалеріей, затоптавшей одного старика. Національное собраніе, раздраженное еще отставкой либеральнаго министра Неккера, именемъ націи разрѣшило парижской буржуазіи организоваться. Районныя собранія избирателей второй степени были превращены въ „постоянные комитеты“. Комитеты дѣятельно раздавали народу оружіе и порохъ. И тутъ то въ высшей степени замѣчательно, что приказано было давать оружіе только лицамъ, имѣющимъ какую либо собственность: буржуазія боялась вооружать неимущихъ. Это не мѣшало пролетаріату вооружаться по своему: мастерить себѣ пики, дѣйствовать камнями, взятыми изъ мостовой; когда понадобилось, невооруженные бѣдняки достали себѣ и ружья и порохъ въ складахъ дома инвалидовъ. Буржуазія ничего не имѣла, конечно, противъ такого самовооруженія рабочихъ въ дни рѣшительнаго боя съ правительствомъ, но немедленно послѣ такихъ дней она стремилась обезоружить неимущихъ. И пролетаріи отдавали ружья, вѣря въ политическую смѣтливость буржуазіи: имъ де, образованнымъ, обезпеченнымъ людямъ, лучше знать. Теперь, конечно, организованный и сознательный пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не поступилъ бы столь наивно.

На сколько активное участіе принимали во всѣхъ этихъ событіяхъ настоящіе рабочіе — это видно изъ рѣчей Мирабо. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ говоритъ по поводу охватившаго всѣхъ революціоннаго волненія: „невозможно удержать рабочихъ въ мастерскихъ“. Въ другой, болѣе поздней, онъ прямо заявляетъ: „національное собраніе спасено физической силой рабочихъ“.

Послѣ взятія Бастиліи, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ очеркѣ, къ національному собранію явился представитель отъ рабочихъ, „ораторъ отъ предмѣстья св. Антонія“, съ просьбою оказать денежную помощь рабочимъ этого предмѣстья, которые потеряли свой заработокъ въ результатѣ волненія, охватившаго Парижъ: „господа, — воскликнулъ онъ, — вы спасители отечества, но вѣдь и мы тоже спасители!“ Въ протоколахъ собранія сказано, что энергичная рѣчь рабочаго оратора произвела на собраніе глубокое впечатлѣніе.

Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становилось, что національное собраніе подпало подъ вліяніе и фактическое покровительство революціоннаго Парижа, а среди населенія столицы все дѣятельнѣе выступали пролетаріи и ремесленники. Вліяніе ихъ росло и росло переполняя страхомъ сердца буржуазіи.

II.

Взятіе Бастиліи.

12 іюля 1789 г. король Людовикъ XVI, жалкій, робкій, постоянно колебавшійся, рѣшился прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ и далъ отставку министру Неккеру, умному и миролюбивому швейцарцу, который стоялъ за уступки и реформы. Неккеръ былъ сравнительно популяренъ въ народѣ. Королевская немилость еще увеличила эту популярность. Народъ устроилъ шумную манифестацію, траурно разубранный бюстъ Неккера носили по улицамъ. Въ наемныя нѣмецкія войска, стоявшія лагеремъ на площади Людовика XV, бросали камнями. Кавалерія врѣзалась въ толпу. Были жертвы. Вечеромъ толпы народа прекратили спектакль въ королевской оперѣ въ знакъ траура по жертвамъ этого столкновенія.

Опасались, что солдатчина въ ночь на 13 обрушится на Парижъ. Новый парижскій муниципалитетъ (городская дума), въ составъ котораго вошло 14 лицъ, избранныхъ собраніемъ избирателей второго порядка, приказалъ освѣтить окна домовъ. Парижъ иллюминовался, улицы сіяли тысячами огней, и возбужденное населеніе, готовое на все, ждало слугъ короля, отца народа! Но столкновеніе послѣдовало только 14-го. Разнеслась вѣсть, что войска собираются въ Бастиліи, тюрьмѣ, находившейся въ предмѣстьяхъ св. Антонія Такимъ образомъ Парижъ хотѣли стиснуть съ двухъ концовъ между Бастиліей и военнымъ лагеремъ на площади Людовика XV, находящейся на противоположномъ концѣ города.

Ко всеобщей страстной ненависти противъ Бастиліи, твердыни абсолютизма, куда свирѣпое правительство замуровывало своихъ враговъ, присоединилась тактическая необходимость ея разрушенія. Королевскій планъ—сжать Парижъ точно клещами съ двухъ сторонъ, могъ быть разрушенъ только немедленнымъ взятіемъ Бастиліи, пока тамъ не собралось еще достаточно войска.

Бастилія была по тому времени очень сильной крѣпостью: толстыя стѣны, рвы съ подъемными мостами, пушки на башняхъ. Народъ, чтобъ взять ее приступомъ, долженъ былъ собраться толпами на открытомъ мѣстѣ, стать такимъ образомъ мишенью для пушекъ. Но у толпы бойцовъ было много такихъ союзныхъ

силъ, которыя не принимаются во вниманіе казенными военачальниками: она была воодушевлена вѣками накопившимся народнымъ гнѣвомъ, полна геройской рѣшимостью умереть за дѣло, въ правоту котораго она вѣрила непоколебимо, за нею было также сочувствіе всего Парижа. Наоборотъ, защитники Бастиліи, какъ ни сильны они были оружіемъ, толстыми стѣнами и солдатской выправкой, были разслаблены морально. Гарнизонъ крѣпости состоялъ частью изъ швейцарскихъ наемниковъ; они были въ Парижѣ чужими, а потому готовы были на все, готовы были даже направить пушки на дома предмѣстья св. Антонія и превратить ихъ въ кучу дымящихся развалинъ; но другая часть гарнизона состояла изъ старыхъ гарнизонныхъ солдатъ, французовъ, которымъ больно было стрѣлять въ своихъ братьевъ. Комендантъ крѣпости Лоннэй былъ надменный солдафонъ, смотрѣвшій на народъ, какъ на подлую чернь и готовый скорѣе умереть, чѣмъ сдаться, но большинство офицеровъ было противъ кровопролитія и рѣшительныхъ мѣръ.

У революціи, кромѣ пушекъ и ружей, есть еще одно могучее оружіе, противъ котораго безсильны защитить правительство самыя толстыя стѣны крѣпостей: это то, что она подымаетъ свое знамя за всѣхъ угнетенныхъ, за все общество, а солдаты и офицера — тоже часть этого общества; сознаніе того, что они борятся противъ своего народа, противъ свободы и прогресса, защищая небольшую шайку жестокихъ и высокомѣрныхъ правителей, отравляетъ военную дисциплину и рано или поздно склоняетъ побѣду на сторону бойцовъ революціи.

Такъ было и въ знаменитый день 14 іюля.

Между 9-11 часами утра громадная толпа собралась передъ Домомъ Инвалидовъ, гдѣ находились значительные оружейные склады. Охранявшая ихъ стража не сопротивлялась. Толпа вооружилась, какъ съумѣла, и направилась къ Бастиліи.

Городская дума хотѣла избѣжать столкновенія, боясь, что Лоннэй станетъ бомбардировать Парижъ съ башенъ Бастиліи. Представители думы потребовали у Лоннэя сдаться добромъ. Кичливый дворянинъ презрительно отказалъ, хотя среди старыхъ гарнизонныхъ солдатъ уже началось броженіе, и раздавались голоса за сдачу крѣпости.

Послѣ неудачныхъ переговоровъ нѣсколько смѣльчаковъ взобрались на крыши сосѣднихъ съ Бастиліей домовъ, они подрубили цѣпи подъемнаго моста, который и рухнулся внизъ. Толпа съ крикомъ торжества перешла по нему ровъ и наполнила первый дворъ замка. Теперь она находилась передъ самой стѣной его: и вотъ съ бойницъ грянулъ убійственный залпъ прямо въ упоръ. Нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ пало на мостовую двора. Мгновенно разнесся слухъ, что Лоннэй нарочно опустилъ мостъ, чтобы заманить народъ и разстрѣлять его въ тѣсномъ дворѣ. По улицамъ Парижа побѣжали вѣстовые, горящіе

негодованіемъ, призывая всѣхъ возстать и итти къ Бастиліи. „Тамъ герои, сыны народа, борятся за вашу свободу!“ — кричали вѣстники на улицахъ, на площадяхъ, въ кофейняхъ: — „если вы не придете на помощь — они умрутъ всѣ до послѣдняго человѣка! Тамъ льется кровь вашихъ братьевъ! Месть, месть, граждане!“

И Парижъ откликнулся. Новыя и новыя массы стекались къ стѣнамъ крѣпости. Нѣсколько ротъ французской гвардіи частью съ офицерами во главѣ, частью подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ построились въ колонны и бѣгомъ направились на мѣсто боя. Сбѣжалось туда и много солдатъ изъ другихъ полковъ.

Появленіе солдатъ въ рядахъ народа произвело на осажденныхъ самое удручающее впечатлѣніе. Лоннэй стрѣлялъ картечью. Уже до 200 человѣкъ выбыло изъ рядовъ осаждавшихъ, но мужество ихъ не ослабѣвало; они привезли двѣ маленькихъ пушки, стоявшихъ обыкновенно у воротъ Городской Управы и громили ими входъ въ замокъ.

Французскіе солдаты и большинство офицеровъ громко требовали сдачи. Швейцарцы видѣли, что народу все прибываетъ, а зарядовъ становится все меньше; они разсуждали, что сопротивляясь до конца, они такъ озлобятъ народныя массы, что, ворвавшись наконецъ въ крѣпость, народъ въ бѣшенствѣ разорветъ ихъ на куски.

Лоннэй увидѣлъ по настроенію разбушевавшагося народа и по растерянности своихъ солдатъ, что побѣда революціи неизбѣжна. Съ проклятіями бросился онъ въ пороховой погребъ, чтобы взорвать Бастилію на воздухъ, а вмѣстѣ съ нею всѣ ближайшіе кварталы, и похоронить такимъ образомъ подъ развалинами и себя, и гарнизонъ, и своихъ враговъ: собственные офицера схватили его и даже грозили ему смертью. Тогда онъ сдался.

Солдаты гарнизона выстроились шпалерами вдоль лѣстницы и корридора, снявъ свои каски. Лоннэй мрачный стоялъ посреди тоже безъ шляпы. Народъ ворвался шумными толпами. Почти всѣ солдаты были пощажены. Виновникъ кровопролитія Лоннэй былъ убитъ, хотя многіе защищали его отъ народной мести. Освободители бросились по узкимъ переходамъ и темнымъ зловоннымъ камерамъ тюрьмы, разбивая цѣпи и освобождая заключенныхъ. Многія изъ этихъ заживо погребенныхъ жертвъ королевской власти были найдены умирающими отъ истощенія или лишившимися разсудка.

Народъ побѣдилъ.

Но кто-же собственно взялъ Бастилію? Каковъ былъ составъ борцовъ 14-го іюля? Толпа была крайне разнородна, въ ея рядахъ были даже дворяне, даже попы, а также женщины и дѣти. Жажда свободы и потокъ прорвавшагося наконецъ гнѣва народнаго увлекъ всѣхъ. Въ оффиціальныхъ спискахъ особенно отличившихся храбрецовъ преобладаютъ солдаты и офицера, а также буржуа средней руки. Но изъ ста убитыхъ половина оказалась

безыменными людьми, а изъ остальныхъ 30 оставили семьи безъ всякихъ средствъ къ существованію. Такая огромная доля бѣдняковъ, пролетаріевъ, показываетъ, кто былъ истиннымъ героемъ первой побѣды надъ тиранніей.

Да, въ толпѣ были и дворяне побѣднѣе, и попы, и дѣти, не было тамъ только богатыхъ собственниковъ. Позднѣе плотники писали въ письмѣ защитнику народныхъ правъ Марату: „Теперь толстосумы хотятъ завладѣть всѣмъ, но въ кровавые дни борьбы мы не видѣли ихъ, они сидѣли за стѣнами своихъ домовъ“.

Опьяненный побѣдой, но жаждущій мести за смерть столькихъ героевъ народъ расправился не съ однымъ только Лоннэемъ. Старшина купеческаго сословія Фуллонъ, быть можетъ предокъ петербургскаго градоначальника, располагалъ оружейнымъ складомъ; во время боя толпа народа отправилась къ нему съ требованіемъ оружія; онъ обѣщалъ немедленно прислать его на мѣсто битвы; народъ бросился туда. Дѣйствительно скоро къ Бастиліи явились нагруженныя телѣги. Порохъ и пули нужны были въ этотъ моментъ до зарѣзу; всѣ кинулись къ телѣгамъ: онѣ оказались набитыми тряпьемъ.

Напрасно надѣялся остроумный Фуллонъ на благодарность короля за эту гнусную шутку. Королевскія войска не посмѣли итти на Парижъ. Фуллонъ былъ схваченъ побѣдителями Бастиліи вмѣстѣ со своимъ зятемъ Бертье, тоже изобличеннымъ въ измѣнѣ. Фуллону отрубили голову, насадили ее на пику и понесли среди ликующихъ возгласовъ несмѣтной толпы. Бертье гнали позади и наконецъ убили. Въ этомъ кровавомъ торжествѣ принимали участіе, по свидѣтельству очевидцевъ, многіе зажиточные образованные буржуа.

Какъ должны мы относиться къ такого рода жестокимъ народнымъ расправамъ? Этому учитъ письмо перваго коммуниста, вдохновеннаго предтечи нашего соц.-дем. движенія — Бабефа. Вотъ что писалъ Бабефъ черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Бастиліи своей женѣ: Я видѣлъ это страшное шествіе, я видѣлъ, какъ тысяча вооруженныхъ людей несла голову тестя на пикѣ, подталкивая зятя сзади. Несчастнаго волокли при глумленіи двухсотъ-тысячной толпы черезъ пригородъ и вдоль улицы св. Мартина; на него сыпались ругательства; толпа ликовала подъ немолчный бой барабановъ. О, мнѣ было больно видѣть *такую* радость. Въ одно и тоже время я былъ и доволенъ, и недоволенъ, я говорилъ: тѣмъ лучше и тѣмъ хуже! Я понимаю справедливую месть народа, я одобряю казнь его враговъ, но зачѣмъ-же эта жестокость? Однако, кто истинный виновникъ ея? Не палачи-ли, не пытки-ли, не звѣрства-ли правительства? Наши правители — сами варвары, они не цивилизовали свой народъ, а ожесточали его. Пусть жнутъ, что посѣяли! И знай, моя дорогая, что много ужаснаго произойдетъ еще: мы лишь у самаго начала“.

А наши правители? Чему научили они насъ, хлеща дѣвицъ

нагайками, калѣча молодежь по одиночкѣ кулаками банды пьяныхъ дворниковъ, разстрѣливая безоружную толпу, убивая дѣтей? Чему научили крестьянъ губернаторы, запарывавшіе до смерти „бунтовщиковъ"? Кто перечислитъ всѣ звѣрства напоенныхъ водкой и науськанныхъ казаковъ? Людовику XVI-му за все его царствованіе не снилось пролить столько крови народной, сколько пролилъ ее нашъ слабоумный Николай въ одно Красное Воскресеніе. Они пожнутъ, что посѣяли! Пусть сердобольные люди помнятъ слова Бабефа. Да, терроръ будетъ имѣть мѣсто въ предстоящей русской революціи, но то не будетъ терроръ кучки смѣльчаковъ, направленный на того или иного изверга, то будетъ терроръ общенародный, то будетъ безпощадная война всѣмъ врагамъ свободы, война безспорно полная ужаса, но освящаемая великою цѣлью.

Въ эту войну русскіе пролетаріи вступятъ сознательными бойцами. Они будутъ требовать законченной демократической республики, но борясь за нее, они будутъ помнить, что она не исцѣлитъ всѣхъ страданій рабочаго класса, а только расчиститъ путь для дальнѣйшей борьбы противъ буржуазіи за соціализмъ. Въ описываемое нами время подавляющее большинство пролетаріевъ не понимало, что кромѣ цѣлей общихъ съ буржуазіей у нихъ есть своя великая цѣль и что потому, борясь рядомъ со своими будущими врагами и временными союзниками, они нуждаются въ собственной, тѣсно сплоченной организаціи. Ошибались въ то время даже такіе великіе и смѣлые вожди самаго бѣднаго люда, какъ упомянутый нами Бабефъ: они воображали, будто можно сразу организовать коммунистическій строй. Теперь мы называемъ такія мечты утопіей. Въ дѣлѣ освобожденія народа отъ самодержавія, въ дѣлѣ борьбы за республику пролетаріи найдутъ сочувствіе широкихъ народныхъ массъ, во главѣ которыхъ они могутъ стать для этой цѣли; но въ дѣлѣ организаціи соціалистическаго строя рабочіе могутъ разсчитывать почти исключительно на свои силы, вся масса мелкихъ собственниковъ стала бы враждебной имъ, а собственныя силы пролетаріата еще недостаточно велики и недостаточно организованы для выполненія гигантской соціалистической задачи; но зато эти силы будутъ расти, крѣпнуть и организоваться со сказочной быстротой въ условіяхъ новой свободной Россіи. Пролетаріатъ знаетъ теперь, что ему нужна республика для того, чтобы могуче и свободно готовиться къ окончательной борьбѣ и окончательной побѣдѣ надъ всякой эксплуатаціей.

Очерки изъ исторіи революціонной борьбы европейскаго пролетаріата *).

III.

Послѣ взятія Бастиліи.

Паденіе Бастиліи вызвало взрывы радости во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Всѣмъ казалось, что рухнула не только парижская тюрьма, но и весь европейскій старый режимъ, съ его несправедливостью и насиліемъ, съ его мрачными суевѣріями. Благороднѣйшіе граждане міра посылали привѣтъ Парижу—столицѣ и свѣточу міра.

Парижане между тѣмъ окончательно низвергли старую городскую управу и избрали новую; городскимъ головой былъ избранъ Байи, одинъ изъ энергичнѣйшихъ членовъ національнаго собранія, начальникомъ городской гвардіи—Лафайетъ, генералъ, сражавшійся со славой за свободу Сѣверо-Американскихъ штатовъ противъ Англіи. Буржуазія окончательно взяла Парижъ въ свои руки. Наемные рабочіе были, конечно, лишены всякихъ правъ и въ новомъ порядкѣ самоуправленія.

Собственники въ городахъ и деревняхъ были конечно рады тому, что самодержавному королевскому правительству нанесенъ ударъ, такъ какъ они знали, что только оно защищаетъ ненавистныя привиллегіи дворянъ и духовенства, тяжелымъ гнетомъ лежавшія на промышленникахъ, торговцахъ и крестьянахъ. Но крушеніе или внезапное ослабленіе власти въ то же время пугало ихъ. Они боялись, что обездоленный, ограбленный народъ, неимущіе городовъ и деревень воспользуются случаемъ и начнутъ отымать собственность у богачей. Кто удержитъ голодную и холодную массу? Прежде она боялась судовъ, полиціи, войска, всѣхъ органовъ королевской власти, — теперь-же народъ надломилъ власть, и полунищее населеніе могло осмѣлиться наложить руку на склады и магазины провіанта, одежды, всего, что необходимо для жизни, всего, чего нѣтъ у бѣдняка и чего такъ много лежитъ надъ замкомъ у богатаго.

Исходя изъ такихъ соображеній, зажиточные парижане и во-

---

*) Въ прошлый фельетонъ вкралась неточность: фамилія купеческаго старшины, казненнаго за обманъ народа — *Флессель*; *Фулонъ*, казненный со своимъ зятемъ Бертье, былъ интендантомъ королевскихъ войскъ.

оружались, тщательно устраняя изъ милиціи неимущихъ. Между прочимъ было постановлено, чтобы каждый желающій поступить въ городскую гвардію, имѣлъ мундиръ—синій съ зеленымъ воротомъ и бѣлыми отворотами. Кто не имѣлъ средствъ соорудить себѣ эту пеструю форму, лишался право носить оружіе.

Положеніе казалось зажиточной буржуазіи тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ Парижѣ началъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ. Новая управа употребляла всѣ усилія, чтобы доставить столицѣ пропитаніе. Однако бѣднота волновалась, такъ какъ хлѣбъ все дорожалъ. Парижская городская управа (коммуна—какъ она тогда называлась) рѣшилась почистить столицу отъ неблагонадежныхъ элементовъ.

На холмѣ Монмартръ королевской властью былъ учрежденъ незадолго до революціи благотворительный рабочій домъ. Въ поискахъ за заработкомъ, хотя-бы самымъ ничтожнымъ, голодающіе безработные всей Франціи стекались сюда, и революціонный буржуазный Парижъ скоро увидѣлъ у своего порога 10.000 бѣдняковъ, которымъ нужно было дать работу и хлѣба.

Сначала буржуазная коммуна уменьшила и безъ того крохотную плату жителямъ рабочаго дома. Потомъ, съ нескрываемымъ страхомъ, она рѣшила закрыть все заведеніе. Популярный генералъ Лафайетъ былъ посланъ къ бѣднякамъ, чтобы предупредить ихъ, что скоро ихъ вышвырнутъ на большія дороги Франціи. Разговоръ революціоннаго генерала съ пролетаріями описываетъ намъ сердобольный писатель Лостало. „Тяжко сжималось сердце при видѣ этихъ 10.000 мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ лохмотья, съ изможденными лицами и ввалившимися глазами, безпокойныхъ, боязливыхъ. Г. комендантъ (Лафайетъ) говорилъ съ ними съ добротой, но съ твердостью, заранѣе пресѣкавшей всякую возможность ропота и протеста. Онъ извѣстилъ имъ, что пока имъ будетъ выдаваться плата въ 20 су (35 коп.) въ день, но, что скоро ихъ вышлютъ каждаго на ихъ родину“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ тотъ же жалостливый писатель повѣствуетъ: „Сегодня 29 августа происходило закрытіе Монмартрскаго рабочаго дома. По истинѣ страшныя мѣры были приняты; зданія окружили пушками, городская гвардія и особенно герои Бастиліи подъ предводительствомъ Гюмгена стояли подъ ружьемъ; четыре комиссара выдавали паспорта. Рабочихъ выводили попарно и отбирали у нихъ данные имъ раньше инструменты; каждому давали 24 су (45 коп.!) на дорогу и паспортъ. Паспортовъ выдано 4000. Не было ни малѣйшихъ безчинствъ; не слышно было даже угрозъ; толпа выглядѣла очень несчастной, и лица злыя, преступныя и опасныя очевидно замѣшались въ ней такъ, что были незамѣтны. Я желалъ бы чтобы всѣ видѣли это зрѣлище: видъ глубокой нужды и раздачи мудро-милосердной помощи города тронула бы вѣроятно тѣ жестокія души, которыя требовали, чтобы обитателей рабочаго дома попросту разстрѣляли бы картечью“.

Эти нѣсколько строкъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о настроеніи буржуазіи. Лостало удивленъ, что среди пролетаріевъ такъ мало преступныхъ лицъ, онъ надѣется, что палачи, требовавшіе массового убійства пролетаріата, сжалились бы при видѣ его покорности.

Еще одна картинка. 18 августа въ Елисейскихъ поляхъ (одинъ изъ городскихъ садовъ въ Парижѣ) собрались подмастерья парикмахеры. Должно быть имъ очень ужъ солоно пришлось отъ хозяевъ. Надо помнить, что въ тѣ времена высшіе классы носили парики и замысловатыя прически, такъ что цехъ парикмахеровъ былъ очень многочисленъ и вліятеленъ. Подмастерья отправили отъ имени своего собранія делегатовъ въ ближайшую секцію буржуазной коммуны съ просьбой позволить имъ устраивать постоянныя собранія. Въ отвѣтъ явился офицеръ городской гвардіи со своей командой и разразился страшной руганью. „Бунтовщики!" оралъ онъ на оторопѣвшихъ юношей, въ заключеніе онъ замахнулся на перваго попавшагося саблей, тотъ защитилъ голову рукой, которую буржуазный воинъ и просѣкъ клинкомъ.

Когда господа парикмахеры низвергаютъ надменную власть своихъ кліентовъ, расфранченныхъ дворянчиковъ, въ раздушенныхъ и напудренныхъ парикахъ — это священная революція; когда же подмастерья протестуютъ противъ эксплуатаціи господъ парикмахеровъ — это ужасный и преступный бунтъ. Кто наблюдалъ такія сцены, могъ предвидѣть грядущую войну пролетаріата съ буржуазіей.

Особенно большое волненіе вызвало извѣстіе о взятіи Бастиліи среди крестьянъ. Крестьяне собственники, давшіе своимъ представителямъ въ Національномъ собраніи вполнѣ опредѣленные наказы, съ нетерпѣніемъ ждали сигнала, чтобы насильственно сбросить съ себя тягостную зависимость отъ дворянъ, множество податей и гнусныхъ ограниченій, которыя тяготѣли на деревнѣ. Парижъ взялъ Бастилію: крестьянамъ оставалось брать приступомъ свои Бастиліи — дворянскіе замки.

Крестьяне вооружились. Сначала однако они оглядывались по сторонамъ. По всей странѣ ходилъ слухъ, что банды разбойниковъ бродятъ повсюду, рубятъ лѣса, косятъ хлѣбъ. Крестьяне рѣшились защищать свое имущество отъ разбойниковъ. Но разбойники не являлись. На югѣ Франціи то время до сихъ поръ называютъ „годомъ страха".

Чего же такъ перепугались зажиточные мужички Франціи? Они, совершенно такъ же, какъ и буржуа городовъ, прежде всего при вѣсти о крушеніи государственной власти со страхомъ вспомнили о безземельныхъ, о батракахъ, существованіе которыхъ было по истинѣ невыносимо. Мысль о голодномъ брюхѣ, которое бродитъ вокругъ полей и амбаровъ, была первая мысль вооружившагося революціоннаго крестьянина собственника. Изъ нѣ-

сколькихъ деревень торопливо сообщили Національному собранію страшную вѣсть, что „разбойники сжали въ ночь на 25 іюля въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще незрѣлый хлѣбъ!“

Да, пришла вѣсть о свободѣ, завоеванной парижанами, и бездомные скитальцы, безработные батраки спрашивали себя, неужто по этому поводу нельзя хоть что нибудь заполучить въ пустой желудокъ? Единственнымъ средствомъ отпраздновать міровое торжество оказалось для нихъ—украсть нѣсколько колосьевъ незрѣлаго хлѣба.

Газета „Парижскія Революціи“ сообщаетъ, что какія то „личности“ спустились съ горъ около Женевы и хотѣли воспользоваться запасами Фернея, богатаго имѣнія, прежде принадлежавшаго Вольтеру. Женевская милиція съ помощью многочисленныхъ волонтеровъ отразила нападеніе на барскіе закрома и невѣдомыя „личности“ вернулись въ свои горы умирать съ голоду.

Газета замѣчаетъ: „невѣжество и лѣность населенія нѣкоторыхъ провинціи привели его къ вѣрѣ въ то, будто свобода и равенство заключаются въ своего рода дѣлежѣ имущества.“

Подъ ногами у собственниковъ крестьянъ слабо дрогнуло цѣлое море нужды, и они вооружались для самозащиты. Они ходили патрулями по ночамъ съ факелами и прислушивались. Но измученный сельскій пролетаріатъ только чуть чуть, шевельнулся и снова замеръ. Тогда хозяйственные мужички перешли въ наступленіе противъ замковъ. Прежде всего крестьяне повсюду окончательно прекратили платежи; затѣмъ они стали вторгаться въ замки, захватывать документы и сжигать ихъ. Убійствъ и грабежей было немного,—они имѣли мѣсть лишь тамъ, гдѣ крестьянамъ оказывали сопротивленіе; крестьяне стремились только стряхнуть съ себя подавляющую тягость всевозможныхъ повинностей.

Но революція въ деревнѣ сначала очень не понравилось господамъ членамъ Національнаго Собранія. Крестьяне хотѣли попросту самостоятельно владѣть своей землей, они и дѣйствовали просто, а именно на дѣлѣ отмѣняли всѣ повинности и, чтобы закрѣпить новыя права, жгли старые желтые пергаменты, въ которыхъ оформлено было ихъ униженіе.

Но буржуазные политики боялись черезмѣрной смѣлости. Больше же всего боялись они того, чтобы начавъ съ права собственности дворянской не поколебали бы ихъ буржуазнаго права собственности. Одинъ членъ собранія, носившій премудрую фамилію Соломонъ, прочелъ собранію интереснѣйшій докладъ. „Судя по письмамъ“, говорилъ въ немъ буржуазный Соломонъ. „Собственность всякаго рода подвергается въ настоящее время преступному барзграбленію. По всюду горятъ замки и монастыри; подати и барщины стали пустыми словами, законъ безсиленъ, судьи лишены авторьтета, правосудіе стало призракомъ.“ Соломонъ предложилъ собранію объявить торжественно: „что нѣтъ никакихъ оправданій

тѣмъ, кто прекращаетъ законные платежи, что собраніе съ скорбью взираетъ на смуты, которыя противорѣчатъ праву частной собственности, праву, которое собраніе будетъ поддерживать всѣми силами."

Вечеромъ 4-го августа собраніе было взволновано вѣстями о томъ, что крестьянское возстаніе разлилось почти по всей Франціи. Въ самомъ началѣ собранія нѣкто Тарже прочелъ слѣдующее заявленіе: „Въ то время какъ собраніе всецѣло занято устройствомъ счастья страны на основѣ свободной конституціи, умы смущены вѣстями о безчинствахъ и бунтахъ, наносящихъ ударъ священному праву собственности". Далѣе слѣдуетъ рѣшительное объявленіе всѣхъ помѣщичьихъ привиллегій безусловно законными.

Такія фразы о свободѣ и счастіи, которыя строятъ призванные правительствомъ господа умѣренные либералы, и о безтактности народа, желающаго прежде всего улучшить свое житье-бытье, мы будемъ частенько слышать и въ Россіи. Интересно однако, что сами дворяне на этотъ разъ не согласились со своими благородными защитниками—зажиточными горожанами. Въ ушахъ ихъ звучалъ набатъ и трескъ обвализающихся замковъ, въ глазахъ стояло зарево пожаровъ. Они слишкомъ хорошо знали, что спасти привиллегіи нельзя, а потому и рѣшили поразить міръ великодушіемъ и добровольно отказаться отъ того, что у нихъ и безъ того отняли.

Интересную рѣчь сказалъ на этомъ засѣданіи герцогъ Эгильонъ, богатѣйшій помѣщикъ Франціи. Онъ заявилъ: „Признаемся, господа, что это возстаніе, какъ оно ни преступно, имѣетъ нѣкоторое оправданіе, если вспомнишь, какъ мучили крестьянство всѣ эти привиллегіи. Конечно, благородное дворянство неповинно въ такомъ мучительствѣ, но что подѣлаешь съ управляющими? Они часто прямо безжалостны. Привиллегіи наши есть собственность, а всякая собственность священна, но эта форма собственности безспорно тяжела народу." Поэтому герцогъ предложилъ дворянамъ отказаться отъ своихъ правъ на землю и личность крестьянъ за достаточный выкупъ! Какое великодушіе! Рѣчь благороднаго барина вызвала безконечный энтузіазмъ среди испугавшихся было представителей буржуазіи. Въ самомъ дѣлѣ: стать на сторону крестьянъ значило освятить посягательство на частную собственность; стать на сторону дворянъ значило возбудить противъ себя деревню... А тутъ вышло отлично: и овцы цѣлы и волки сыты,—сами феодалы отказались отъ „собственности". И господа имущіе ну обниматься и цѣловаться! ну говорить краснорѣчивыя фразы и проливать умиленныя слезы.

Надо замѣтить еще, что отмѣна позорныхъ феодальныхъ повинностей, будь она произведена даже безъ выкупа, уменьшила бы земельный доходъ дворянъ лишь на $^1/_5$ часть. Собраніе постановило: отмѣнить феодальныя права, но обязать крестьянъ платить всѣ подати, пока они не внесутъ выкупного платежа.

Но французскіе мужички и ухомъ не вели. „Отмѣнить феодальныя права“ — это ладно, а что касается выкупа — это они пропустили мимо ушей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взяли бы они этотъ выкупъ: дворяне требовали съ нихъ 1200 милліоновъ руб., да духовенство 800 милліоновъ. Крестьяне сочли за лучшее не платить ни тѣмъ, ни другимъ ни гроша.

Среди общаго ликованія этихъ дней (отъ 4—6 августа) представитель духовенства чуть было не испортилъ всю обѣдню: въ желчной рѣчи это духовное лицо подпустило яду господамъ изъ буржуазіи. Въ самомъ дѣлѣ: мужичье отняло у монастырей землю, а они такъ и сіяютъ, рады, что на ихъ имущество никто не тянетъ лапы; и сердитый аббатъ Монтескье вдругъ выпалилъ: „Можетъ ли разсудительный человѣкъ повѣрить въ законность такого порядка, при которомъ продукты потребляются празднымъ собственникомъ, а не труженикомъ? Но таковъ предразсудокъ богатыхъ и роскошествующихъ лѣнтяевъ: имъ кажется, что они ужасно какіе нужные люди, что именно вокругъ нихъ вращается вся политическая машина, что именно для нихъ живутъ и трудятся классы, которые вы называете наемными“.

Но гнѣвная выходка аббата была встрѣчена суровымъ молчаніемъ собранія. Далеко было то время, когда классъ наемниковъ повторилъ эти слова громовымъ голосомъ.

Чему же учитъ насъ исторія крестьянскаго возстанія въ 1789 году? Несомнѣнно русское крестьянство также будетъ стремиться къ тому, чтобы получить какъ можно больше земли въ свое полное распоряженіе. Какъ относиться къ этому желанію намъ, соціальдемократамъ?

Одни думаютъ, что это насъ совсѣмъ не касается, что это дѣло крестьянъ и помѣщиковъ между собою. Но это невѣрно. Не вѣрно это потому, что намъ, пролетаріямъ, необходима демократическая республика и при томъ возможно болѣе прочная, крестьянская же масса будетъ бороться за нее только въ томъ случаѣ, если демократія будетъ тѣсно связана съ широкой земельной реформой. При томъ же малоземелье ведетъ за собой постепенное вымираніе населенія, и расширеніе крестьянскаго землевладѣнія будетъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ болѣзненнаго и стремительнаго раззоренія. въ бездну котораго летитъ народная Россія. Соціальдемократія должна поэтому поддерживать крестьянъ въ ихъ борьбѣ за землю. Но есть и другіе „соціалисты“, которые воображаютъ, будто мы должны смотрѣть на передачу земли народу, какъ на соціалистическую мѣру. Нѣтъ, такой ошибки мы не сдѣлаемъ и у насъ, какъ во Франціи, богатый мужикъ, средній мужикъ не любятъ безземельнаго, безлошаднаго, боятся его и эксплуатируютъ его. Пусть землю раздадутъ всѣмъ: все равно она скоро перейдетъ къ тѣмъ у кого есть скотъ, инвентарь или деньги, словомъ капиталъ, а бѣднякъ опять очутится въ батракахъ. Поэтому поддерживая крестьянъ въ ихъ борьбѣ за землю, мы должны въ

тоже время организовать отдѣльно нашихъ родныхъ братьевъ — сельскихъ пролетаріевъ и учить ихъ, что одно спасеніе для нихъ отъ зависимости и нужды тотъ соціализмъ, который дѣлаетъ общей собственностью *и землю и всякій капиталъ*, что въ борьбѣ за этотъ настоящій, а не мелко-буржуазный мнимый соціализмъ должны они слиться съ нами, городскими пролетаріями. Республика и земельная реформа — это лишь орудія, лишь средства создать для грядущей борьбы болѣе здоровую и удобную почву.

Съ крестьянами собственниками противъ правительства и помѣщичьей эксплоатаціи! Съ сельскимъ пролетаріемъ противъ крестьянина собственника!

IV.

Походъ голодныхъ женщинъ на Версаль.

Осенью 1879 года монархія и революція стояли другъ противъ друга, озлобленныя и недовѣрчивыя, но ни революціонная буржуазія, ни измѣнническій дворъ не рѣшались нарушить худого мира ради доброй ссоры. Положеніе было въ высшей степени напряженное: любой, даже маловажный, фактъ могъ явиться достаточнымъ поводомъ для страшной катастрофы.

Среди общей нерѣшительности смѣлый и потрясающій по своей обстановкѣ шагъ сдѣланъ былъ самыми несчастными изъ несчастныхъ,—женщинами изъ городской бѣдноты. Онѣ голодали; имъ нечѣмъ было кормить своихъ дѣтей; онѣ чувствовали, что буржуазные революціонеры и даже ихъ собственные мужья почему то переминаются съ ноги на ногу, не хотятъ или не рѣшаются громко заявить о томъ, чего надо народу.

Утромъ 5-го октября собралась на Версальской площади Парижа громадная толпа женщинъ отъ 7 до 8 тысячъ. Все это была самая обездоленная голытьба. Кто былъ иниціаторомъ этого колоссальнаго женскаго митинга? Иные называютъ красивую авантюристку Теруанъ де Мерикуръ. Вѣрнѣе однако, что настоящимъ вождемъ женщинъ былъ голодъ.

Собраніе было необыкновенно бурно. Женщины словно опьянѣли, находясь въ толпѣ единомышленницъ. „Стыдъ, стыдъ мужчинамъ!“ кричали онѣ: „Мы покажемъ имъ, что значитъ быть мужественными.“ Онѣ бросились къ зданію городской думы, вооружаясь по дорогѣ чѣмъ попало. Съ саблями и пиками въ рукахъ, онѣ отправились затѣмъ по направленію къ городу Версалю, гдѣ жилъ въ то время король и гдѣ засѣдало Національное Собраніе. Онѣ повезли туда съ собою даже пушки, при чемъ нѣкоторыя, сидя верхомъ на пушкахъ, выкрикивали угрозы.

Но вотъ передъ разъяренной толпой женщинъ появляется спокойная фигура скромнаго думскаго швейцара—Мальяра. Онъ говоритъ успокоительную рѣчь: „женщины! ваша главная сила —мольба, женской мольбѣ никто ни можетъ противиться; къ то-

му же я вамъ обѣщаю, что восемьсотъ вооруженныхъ мужчинъ отправятся немедленно вслѣдъ за вами, чтобы привести въ исполненіе всякое ваше рѣшеніе. Что касается меня, прибавилъ Мальяръ, то если вы хотите,—я охотно пойду впереди васъ".

Женщины были очарованы такимъ предложеніемъ: онѣ немедленно согласились разоружиться и выбрали Мальяра своимъ вождемъ.

День былъ дождливый, дорога грязная. Утомительный путь до Версаля измучилъ женщинъ, и онѣ были исполнены гнѣва, когда подошли къ своей цѣли. Мальяръ всячески старался успокоить ихъ. Онъ построилъ ихъ по трое въ рядъ и предложилъ имъ пѣть патріотическія пѣсни. И худыя и голодныя онѣ шли, прославляя громкою пѣснею старую преданность къ королямъ, шли ко дворцу короля со своими грозными требованіями.

Но вотъ трагическое шествіе подошло къ воротамъ Національнаго Собранія. Депутація изъ 20 женщинъ проникла внутрь зданія. Одна изъ нихъ внесла туда барабанъ, въ который громко барабанила отъ времени до времени. Ни одна однако не рѣшилась заговорить. Онѣ подталкивали впередъ своего единственнаго мужчину—Мальяра. И Мальяръ объяснилъ великимъ ораторамъ побѣдоносной буржуазіи, что у народа нѣтъ хлѣба и что онъ умоляетъ обратить вниманіе на испытываемую имъ острую нужду.

Предсѣдатель Мунье, выбравъ пять женщинъ, отправился съ ними къ королю. Король очаровалъ своею величественною любезностью этихъ бѣдныхъ пролетарокъ. Бѣдняжки совершенно растерялись въ великолѣпныхъ залахъ дворца, увидѣвъ прямо передъ собою повелителя всей Франціи; одна молоденькая работница упала даже въ обморокъ отъ волненія. Король былъ благосклоненъ, онъ далъ изголодавшимся работницамъ поцѣловать свою пухлую королевскую руку и отпустилъ ихъ съ милостивыми фразами. Но если пять депутатокъ народнаго голода были тронуты хитроумной любезностью монарха, то не такъ обстояло дѣло со всею толпой возмутившихся женщинъ.

Восемьсотъ вооруженныхъ мужчинъ, собранныхъ наиболѣе демократическими изъ Парижскихъ секцій, дѣйствительно пришли и стали впереди женщинъ противъ стройныхъ рядовъ королевской гвардіи и наемныхъ швейцарцевъ. Наступала ночь. Та и другая сторона стояла подъ ружьемъ. Многія женщины, между ними и Теруанъ, проникли въ ряды французской гвардіи и уговаривали солдатъ удалиться. Это подѣйствовало, и поздно вечеромъ Фландрскій полкъ удалился. Но швейцарцы оставались непреклонными. Кто то бросилъ камень,—швейцарцы пустили въ ходъ сабли, парижане стали стрѣлять. Еще минута, и разразился бы настоящій бой. Испуганный король внезапно приказалъ прекратить схватку и увести швейцарцевъ. Народъ ликовалъ. Передъ окнами дворца зажжены были многочисленные костры.

Убитую лошадь какого то офицера разрѣзали на куски, сжарили и съѣли.

Обитатели дворца въ ужасѣ всматривались во тьму, освѣщенную тамъ и сямъ пламенемъ костровъ. Одни совѣтовали королю кровопролитіе, другіе больше вѣрили въ притворную ласковость.

Залъ собранія былъ занятъ наиболѣе уставшими женщинами. Онѣ спали на депутатскихъ скамьяхъ, одна на президентскомъ креслѣ. Депутатамъ пришлось потѣсниться После полуночи входитъ Мунье и торжественно объявляетъ, что король подписалъ декларацію правъ человѣка. Совершенно измученныя, измокшія, больныя пролетарки не очень то понимали философскія и политическія идеи декларацiи. Онѣ отвѣтили на „радостную вѣсть" воплями: „хлѣба, хлѣба!"

Между тѣмъ Парижъ волновался. Слухъ о походѣ женщинъ облетѣлъ весь городъ. При звонѣ набата громадная толпа собралась вокругъ городской думы. Отовсюду были слышны крики: „въ Версаль, въ Версаль!" Многіе кричали: „Мы требуемъ хлѣба!" —Раздавались кое гдѣ голоса: „долой короля!" Никто однако не предлагалъ того, что было сдѣлано на другой день, а именно: насильственнаго переселенія короля въ Парижъ. Великодушный, но сентиментальный генералъ Лафайетъ разъѣзжалъ въ толпѣ на конѣ и рѣшительно не зналъ, что предпринять.

Наконецъ городская дума предписала Лафайету отправиться во главѣ городской милиціи въ Версаль,—дума сама не знала, зачѣмъ именно. Прекраснодушный Лафайетъ старался только предупредить взрывъ народной мести противъ ненавистной народу придворной клики: чуть не на каждомъ перекресткѣ онъ заставлялъ свою милицію торжественно присягать закону и королю.

Въ Версаль милиція прибыла послѣ полуночи. Лафайетъ сейчасъ же бросился во дворецъ. При видѣ его одинъ придворный сказалъ: „Вотъ идетъ Кромвель".*)—„Кромвель не вошелъ бы одинъ къ своимъ врагамъ", отвѣтилъ Лафайетъ и прошелъ къ королю.

Было рѣшено немедленно поручить парижской милиціи охрану города и сада. Ее разставили повсюду пикетами. Конечно самые королевскіе покои оберегали преданные швейцарцы. Измученные событіями, король и королева уснули тревожнымъ сномъ. Было шесть часовъ утра.

Вдругъ банда вооруженныхъ людей, неизвѣстно чѣмъ возбужденныхъ, вторгается во дворецъ. Швейцарцевъ оттѣсняютъ, двоихъ убиваютъ и врываются въ спальню королевы; проснувшаяся королева съ крикомъ ужаса убѣжала къ своему мужу. Вторгшіеся люди погнались за ней. Неизвѣстно чѣмъ кончилось бы это столкновеніе лицомъ къ лицу представителей отчаявшагося и озлобленнаго бѣднѣйшаго населенія съ коронованными лицами, неожиданно попавшими въ ихъ руки, но на выручку подоспѣли ми-

*) Вождь англійской револ. XVII в., казнившій короля Карла.

лиціонеры во главѣ съ сержантомъ Гошемъ,—впослѣдствіи знаменитымъ революціоннымъ генераломъ.

Однако съ этимъ не прекратились страхи для королевской семьи. Изъ какого бы окна ни выглянулъ Людовикъ,—всюду онъ видѣлъ вооруженныхъ людей, бѣдная одежда которыхъ и трехцвѣтныя кокарды указывали на ихъ принадлежность къ восставшему, столь долго униженному народу. Вдали король могъ видѣть головы своихъ двухъ вѣрныхъ стражниковъ на пикахъ.

Толпа чувствовала себя господиномъ положенія. И вдругъ въ ней родился и выросъ повелительный кличъ: „Король—въ Парижъ!" Король понялъ, что сопротивляться значитъ погибнуть; онъ вышелъ на балконъ и объявилъ, что отправится въ столицу вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Появилась въ открытомъ окнѣ и ненавистная народу гордая австріячка, оплотъ реакціи—королева Марія Антуанетта. Въ объятіяхъ она держала маленькаго сына. Мгновенно нѣсколько человѣкъ прицѣлилось въ нее изъ ружей; поднялись крики: „не надо ребенка, унесите ребенка!" Королева отнесла ребенка, но не рѣшалась снова подойти къ окну. Любитель эффектовъ Лафайетъ картинно подошелъ къ испуганной и униженной народомъ государынѣ и предложилъ ей: „Выйдите на балконъ со мной".—„Какъ? мнѣ на балконъ?"—отвѣтила королева: „развѣ вы не видѣли, что они хотѣли стрѣлять въ меня?"—„Идемте", твердо сказалъ Лафайетъ. Королева появилась на балконѣ рядомъ съ любимымъ еще въ то время, театрально-эффектнымъ генераломъ. Передъ тысячами глазъ враждебной толпы генералъ поцѣловалъ руку королевы. Онъ разсчиталъ правильно: этотъ жестъ нѣжнаго уваженія къ беззащитной въ тотъ моментъ женщинѣ понравился народу, великодушному народу, который такъ легко умиляется даже среди припадковъ ярости. Раздались крики: „да здравствуетъ Лафайетъ, да здравствуетъ королева!"

„Въ этотъ моментъ миръ былъ заключенъ", пишетъ Лафайетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Бѣдный, прекраснодушный генералъ! Миръ заключенъ!—миръ между народомъ, сознавшимъ свою непреоборимую силу и все же страдающимъ въ тискахъ жестокой нужды, и надменной повелительницей, воспитанной въ самыхъ реакціонныхъ понятіяхъ и вдругъ униженной толпою оборванныхъ работницъ. Наивно думать, что представители королевской власти, монархи и ихъ семьи, когда нибудь забудутъ народу горькую чашу униженій, которую они—вѣнценосцы, земные боги,—должны выпить при всякой удачной революціи. Миръ между народомъ и короной немыслимъ даже въ томъ случаѣ, если бы восставшій народъ не захотѣлъ идти до конца: властители, потерявшіе полную мѣру власти, вырванной у нихъ насильственно, будутъ всегда пользоваться каждымъ предлогомъ, чтобы какою угодно цѣною вернуть себѣ власть и упиться сладкою местью надъ зазнавшимися подданными. Если и существуютъ конституціонные короли, то лишь тогда, когда они воспитались на новыхъ

началахъ, привыкли мириться съ правами народа, не пережили лично унизительныхъ перипетій побѣдоноснаго возстанія своихъ подданныхъ; да и тогда ихъ вѣрность конституціи объясняется главнымъ образомъ полною невозможностью отвоевать назадъ у народа его права. Революція должна быть доведена до конца,— оскорбивъ и унизивъ монарха, нельзя оставлять его на тронѣ. Естественно, что послѣ рѣшительныхъ шаговъ 5 и 6-го октября, къ которымъ увлекли буржуазную революцію женщины-пролетарки,—война между трономъ и революціей стала войною на жизнь и на смерть. А либеральный энтузіастъ Лафайетъ готовъ вообразить, что своимъ поцѣлуемъ онъ вознаградилъ королеву за испытанный ею ужасъ и позоръ и обезоружилъ изголодавшійся народъ, вынудивъ у короля пару милостивыхъ фразъ для него.

И вотъ король вынужденъ покинуть свое убѣжище Версаль и переселиться въ кипящій возстаніемъ Парижъ, т. е. отдаться въ плѣнъ революціи. Народъ шелъ впереди, ведя за собою плѣннаго короля. За толпами вооруженнаго пролетаріата шла буржуазная милиція. Въ концѣ процессіи ѣхали кареты королевской семьи и придворныхъ. Толпа была по-дѣтски довольна своей побѣдой. Идя вокругъ кареты, въ глубинѣ которой скрывались высокопоставленные плѣнники, толпа кричала съ хохотомъ, скорѣе въ видѣ ласки, чѣмъ оскорбленія: „вотъ ѣдутъ булочникъ съ булочницей и съ маленькимъ поваренкомъ". Отъ этой народной ласки, какъ отъ ласки львиной лапы, сочлись кровью гордыя королевскія сердца.

Наконецъ пріѣхали къ зданію городской думы. Былъ уже вечеръ. Городской голова Байльи привѣтствовалъ короля двусмысленной фразой: „Король Генрихъ IV завоевалъ Парижъ, теперь Парижъ завоевалъ короля." Король и королева старались весело улыбаться.

Таковъ былъ чисто-пролетарскій актъ плѣненія короля Людовика. Пролетарскимъ былъ онъ не въ томъ смыслѣ, чтобы пролетаріатъ выступилъ здѣсь съ полнымъ пониманіемъ своихъ истинныхъ цѣлей и задачъ. Далеко нѣтъ! Въ событіяхъ 5 и 6-го октября мы совершенно не видимъ сознательности, здѣсь царитъ инстинктъ, но этотъ пролетарскій инстинктъ пришпорилъ нерѣшительную буржуазію, онъ прекратилъ всякія колебанія, онъ мощно погналъ впередъ высокомудрыхъ буржуазныхъ политиковъ, которые были слишкомъ склонны вѣрить, будто революціи совершаются рѣчами. Парижскій пролетаріатъ того времени и близкіе къ нему полупролетарскіе элементы были бѣдны политической сознательностью и дальновидностью, но они были богаты отвагою, активностью, потому конечно, что и тогда уже пролетарію нечѣмъ было рисковать, нечего терять, кромѣ жизни въ цѣпяхъ непосильнаго труда и нищеты, между тѣмъ какъ революціонному буржуа, передъ которымъ разстилалось заманчивое будущее политическаго господства, рискованные шаги были страшны, потому

что собственность—вещь хрупкая, и кому приходится беречь ее, тотъ любитъ покой и порядокъ.

Но если парижскій пролетаріатъ при всей своей бѣдности былъ вождемъ и героемъ въ самые рѣшительные дни Великой Революціи, если именно онъ толкалъ ее къ ея логическому концу, то тѣмъ болѣе можетъ и долженъ сдѣлать это въ Россіи несравненно болѣе сознательный русскій пролетаріатъ, который не только сплотитъ вокругъ себя всю демократію, не только поведетъ ее къ самымъ рѣшительнымъ поступкамъ, гоня передъ собою всегда трусливую зажиточную буржуазію, но сумѣетъ и закрѣпить завоеванную демократическую республику, основу своей дальнѣйшей, чисто пролетарской борьбы за соціализмъ.

V.

Паденіе королевской власти.

Прошелъ годъ со дня паденія Бастиліи. Къ его годовщинѣ со всѣхъ сторонъ Франціи стеклись въ Парижъ пламенные друзья самоо вобожденія народа, и рѣшено было съ торжествомъ отпраздновать на Марсовомъ полѣ день 14 іюля 1790 года.

Но неоконченная революція — полна лжи. Народъ съ энтузіазмомъ готовился къ своему революціонному празднику, но не такъ относились къ нему разбитые, полураздавленные элементы старины — духовенство и король, которые, благодаря частью трусливой нерѣшительности, частью сантиментальности умѣренной буржуазіи, все еще пользовались почетомъ и властью, лишь на половину скрывъ свое полное ненависти лицо подъ маской оффиціальнаго признанія половинчатыхъ результатовъ недовершенной революціи. Праздникъ вышелъ холодный и фальшивый. Месса извѣстнаго предателя еп. Талейрана и натянутыя рѣчи короля — все это было крайне неумѣстно.

И все же это курьезное празднество, на которомъ старые господа, поклявшіеся въ глубинѣ души задушить революцію и отомстить за поруганіе своего величія, лицемѣрно прославляли геройство толпы, разбившей ихъ оплотъ,—это смѣшное празднество имѣло крупный результатъ: войска приняли за истину признаніе королемъ революціи, они радостно братались съ народомъ, народная мысль широкими волнами стала проникать въ солдатскія сердца, и... король потерялъ армію окончательно. Грозный солдатскій бунтъ въ Нанси показалъ это ясно, страшно встревоживъ придворное гнѣздо заклятыхъ враговъ революціи, лицемѣрно съ ней примирившихся. „Нѣтъ ничего болѣе жалкаго“, говоритъ одинъ изъ историковъ революціи, „какъ власть, имѣвшая единственной опорой силу и потерявшая войско“. При этомъ, надо замѣтить, войско не просто потеряно — оно переходитъ открыто на сторону революціи. Недаромъ наши великіе князья заявили Николаю на одномъ изъ военныхъ совѣтовъ послѣ

Цусимы: „пусть лучше японцы уничтожатъ манчжурскую армію, чѣмъ возвращать ее въ Россію, гдѣ она можетъ стать подъ знамя бунта". Россія возстала противъ Романовыхъ, и теперь ихъ задача ослабить Россію, какъ мечтою Людовика было унизить Францію оружіемъ иностранцевъ.

Королевская власть колебалась. Но не одинъ король трепеталъ передъ грозно вздымавшимися новыми и новыми валами революціи: желала сохранить достигнутое, желала заворожить вызванныя ею силы и либеральная буржуазія, считавшая свою умѣренную и аккуратную конституцію, „принятую" королемъ — верхомъ юридической и политической мудрости. Король не могъ не измѣнять. Отъ него невозможно было и требовать вѣрности принципамъ, противнымъ его воспитанію, религіи, всей его натурѣ. Нація не могла не слѣдить за королемъ милліонами недовѣрчивыхъ глазъ, не могла не готовиться покончить съ установленными умѣренной буржуазіей порядками, при которыхъ верховныя права защиты Франціи были довѣрены ея врагу, заклятому врагу новой, *народной* Франціи. И либеральные политики, тѣ, по крайней мѣрѣ, у которыхъ кромѣ сантиментальнаго прекраснодушія и краснобайства былъ политическій смыслъ, должны были выбирать: *съ королемъ или съ народомъ*. Идти съ королемъ значило измѣнить народу, значило ковать противъ него оружіе, пряча его до поры, до времени. И на этотъ путь вступилъ великій трибунъ буржуазнаго либерализма — Мирабо.

Если намъ, русскому народу, предстоитъ пережить конституціонное переходное время, то у насъ, конечно, не появится такихъ великихъ либеральныхъ трибуновъ, какъ Мирабо, но навѣрное появятся столь же великіе предатели — либералы. Мирабо совѣтовалъ королю бѣжать въ какую-нибудь хорошо укрѣпленную крѣпость, стянуть туда дворянство и оставшееся вѣрнымъ войско, опереться на дружественную помощь иностранныхъ тирановъ и объявить безпощадную войну Парижу, осадить его извнѣ, изолировать и разгромить.

Мирабо умеръ. Но именно для исполненія этого плана король бѣжалъ съ семьею 20 іюня. Мнѣ, разумѣется, нечего разсказывать общеизвѣстную исторію о томъ, какъ почтмейстеръ Друэ узналъ Людовика XVI, какъ его арестовали въ Варэннѣ и привезли подъ стражей назадъ въ Парижъ.

Удивляются тому сосредоточенному озлобленію, съ какимъ толпы простонародья и національная гвардія конвоировали бѣглаго короля. Солдаты шли, поднявъ вверхъ приклады, какъ на похоронахъ, все время гремѣлъ кличъ: „да здравствуетъ нація!", въ которомъ звучало уже осужденіе королю. Озлобленіе было такъ велико, что когда какой то дворянинъ раскланялся съ королемъ, толпа сорвала на немъ свое бѣшенство, и голова его на пикѣ поплыла впереди кортежа.

Но если все это удивительно, то лишь въ смыслѣ удивитель-

мости этого вѣрнаго инстинкта, чутья, подсказавшаго революціонному народу несомнѣнную наличность преступленія, крайней опасности, скрытой за бѣгствомъ Людовика. Что касается либеральныхъ конституціоналистовъ, то бѣгство короля ихъ ничему не научило, никакого разслѣдованія его плановъ не было сдѣлано. Если такіе героическіе младенцы, какъ Лафайетъ, могли и послѣ Варэнна надѣяться на возможность быть *и за короля и за народъ*, то другіе ясно сознавали, что въ виду опасности со стороны не желающей остановиться на полпути революціи, пожалуй, не раціональнѣе ли предоставить королевскимъ планамъ свободу развитія? Конечно, такъ думала лишь самая умѣренная и дряблая часть буржуазіи, болѣе же энергичная и самоувѣренная часть либеральной буржуазіи слишкомъ дорожила пріобрѣтеніями революціи и боялась королевскихъ измѣнъ. Она мало по малу переходила на республиканскую точку зрѣнія. Таковы были жирондисты. Но они не понимали, что великая революція не можетъ остановиться и на буржуазной республикѣ съ властью привиллегированныхъ гражданъ; а стать на чисто демократическую точку зрѣнія, на которую стала позднѣе „Гора", они не могли, такъ какъ они были выразителями идей и интересовъ зажиточной буржуазіи и научно образованной, хорошо оплачиваемой интеллигенціи.

Какъ я уже сказалъ, недовѣріе и озлобленіе народа росло, а либералы конституціоналисты, такъ наз. Фельяны, бывшіе у власти, рѣшились изо всѣхъ силъ защищать короля. Это повело къ гнусному преступленію 17 іюля 1791 года. Незадолго до этого дня учредительное собраніе издало декретъ о неприкосновенности и неотвѣтственности того короля, въ измѣнѣ котораго народъ былъ убѣжденъ (и совершенно правильно), и власть котораго, навязанную и поддерживаемую либералами, онъ сносилъ съ нетерпѣніемъ и горечью.

По предложенію нѣкоторыхъ демократическихъ ораторовъ и публицистовъ, мелкая буржуазія и примыкавшая къ ней бѣднота рѣшили протестовать противъ издѣвательства „умѣренныхъ". На Марсовомъ полѣ семь тысячъ человѣкъ — и, замѣтьте, мужчинъ и *женщинъ*,—подписали протестующую противъ декрета петицію.

Это было не по вкусу новымъ слугамъ короля, новымъ хранителямъ измѣнническаго трона, хранителямъ во имя лживой и нежизненной конституціи. На Марсовомъ полѣ произошла случайная подтасовка, возникшая по недоразумѣнію: нашли двухъ скрывавшихся мужчинъ, быть можетъ воровъ, и избили ихъ, увѣренные въ какой нибудь измѣнической западнѣ. Мгновенно добродѣтельный сѣдовласый Байльи, мэръ Парижа, и донкихотствующій Лафайетъ явились на мѣсто демонстраціи во главѣ національ ній гвардіи. Демонстранты гордо заявили, что не разойдутся, такъкаовъ они пользуются лишь своимъ правомъ. Въ свое время

такъ отвѣтили либералы Учредительнаго Собранія на королевскій приказъ разойтись: король, самодержецъ — не рѣшился пустить въ ходъ силу и, волей-неволей, склонился передъ *правомъ*; но господа либералы, прекраснодушные старцы и героическіе генералы, герои полусвободы и золотой середины, не задумываясь, пролили кровь народную. Національная гвардія стала тѣснить народъ, онъ рѣшился защищаться неустрашимо. Тогда было дано нѣсколько залповъ въ безоружную толпу, на половину состоявшую изъ женщинъ. 400 мертвыхъ и раненыхъ были трофеями сладостнаго и рыцарственнаго Лафайета, этого „святого генерала“ либерализма.

Либералы порвали съ народомъ. Эта кровь имъ была отомщена позднѣе.

Учредительное собраніе, выработавъ свою половинчатую конституцію, закончило свое существованіе, передавъ свои полномочія первому Законодательному Собранію. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія всей Франціи, король, все время измѣннически переписывавшійся съ иностранными тиранами, отъ времени до времени серьезно обсуждавшій вопросъ о томъ, кого надо будетъ казнить и кого миловать послѣ разгрома революціи,—вынужденъ былъ торжественно объявить войну Австрійскому императору и всей европейской реакціи. Сердцемъ онъ былъ съ ними, противъ Франціи, которая стала ему чужой, но, благодаря либераламъ, онъ въ одно и то же время *для себя* былъ абсолютнымъ монархомъ и ненавидѣлъ „мятежный народъ“, а *для нихъ*, для „умѣренныхъ“ вождей народа—„конституціоннымъ монархомъ“—другомъ революціи. Торжественно читая членамъ законодательнаго собранія высокопарный адресъ, онъ въ частной перепискѣ называлъ ихъ „подлецами“! Это было 20 апрѣля 1792 года. Король думалъ, что теперь бдительность націи усыплена. Но усыпилъ онъ лишь вѣчно колеблющихся умѣренно-буржуазныхъ политиковъ.

Ободренный военной заносчивостью и чванствомъ эмигрантовъ и нѣмецкихъ военачальниковъ, король прогналъ навязанное ему было жирондистское министерство и на отрѣзъ отказалъ подписать декретъ противъ духовенства, не принесшаго присяги конституціи. Конечно, господа политики, „излюбленные мужи“ зажиточнаго класса, которые благосклонно допускали кровавую защиту Лафайетомъ измышленной ими конституціи отъ народа,— не нашли средствъ для защиты ея отъ короля. Но тутъ ужъ народъ не могъ стерпѣть. Ясно, что если бы король одержалъ верхъ въ этомъ вопросѣ, если бы не нашлось силы, готовой противостать новымъ поползновеніямъ короны, — дѣло революціи было бы проиграно.

Народъ рѣшился напомнить собранію высокомудрыхъ законодателей ихъ обязанность защищать конституцію и сверху. Историки и юристы возмущаются, что народъ рѣшился оказать непосредственное давленіе на собраніе представителей націи. Но за-

бываютъ, что Парижъ, народный Парижъ секцій, т. е. мелкихъ самоуправленій беднейшихъ пригородовъ, действительно отстаивалъ права всего трудящагося и терпящаго лишенія многомилліоннаго населенія, а пресловутые „представители націи“ были на деле представителями лишь зажиточныхъ слоевъ ея; забываютъ также историки и юристы, у которыхъ всегда готово слово осужденія для „безтактнаго простонародья,“ что въ день 17 іюля 1791 г. либералы уже отделили свою политику отъ политики демократіи красной полосой пролитой ими республиканской крови.

Да, народъ решилъ еще разъ выступить самолично на сцену, потому что моментъ былъ критическій; революціонный Парижъ снова заговорилъ 20 іюня 1792 года, почти ровно черезъ годъ после „либеральной“ бойни.

Въ этотъ день 8 тысячъ вооруженныхъ людей съ демократическимъ деятелемъ Сантерромъ во главе вышли изъ беднейшихъ предместій Парижа и стройной колонной отправились къ законодательному собранію. Ихъ требованія, вернее — ихъ напоминанія собранію были въ высшей степени практичны: они хотели, чтобы жирондисты, не замешанные въ измене, были вновь призваны къ управленію страною, чтобы декретъ о мерахъ противъ не присягавшихъ конституціи священниковъ вошелъ въ силу и чтобы около Парижа былъ собранъ лагерь изъ 20000 человекъ добровольцевъ, готовыхъ до последней капли крови отстаивать завоеванную дорогую свободу. Народъ желалъ отдать революцію подъ единственно действительную и надежную защиту, —подъ защиту вооруженнаго народа. Законодательное собраніе не посмело отказать народу въ аудіенціи. Длинной вереницей потянулись суровые граждане, вооруженные чемъ попало; не мало среди нихъ было и гражданокъ. Народъ велъ себя лойяльно: пики склонялись передъ представителями націи, но угроза чувствовалась въ этомъ шумномъ шествіи доподлинныхъ представителей народа черезъ залъ заседаній. Сантерръ изложилъ въ строгой речи народныя требованія, а потомъ „санкюлоты,“ люди въ простонародномъ платье, пропели у трибуны „ça ira“ и протанцевали революціонный танецъ. Народъ веселъ во время революціи, онъ поетъ и пляшетъ. Господамъ, чистымъ барамъ, эти песни и танцы кажутся „людоедскими“. На нашъ взглядъ не более-ли людоедскіе танцы совершаются въ высокихъ и блестящихъ залахъ подъ томные звуки изысканныхъ вальсовъ, тамъ, где брилліанты и кружева оплачены слезами и изнуряющимъ трудомъ, где, танцуя, топчутъ въ могилу сердца техъ, кто родился, чтобы быть „мясомъ для машинъ“, каторжникомъ и рабомъ веселящихся господъ.

Изъ собранія народъ отправился во дворецъ. Никто не смелъ противостоять ему. Король, ведя за руку своего сына, вышелъ къ народу. Онъ собралъ все свое мужество. Молча выслушалъ онъ требованія народа и упорно отказалъ во всемъ. Этого слабаго,

мечущагося изъ стороны въ сторону человѣка превратило въ упрямаго героя настойчивое воздѣйствіе духовенства: во имя Бога и религіи оно воспретило ему уступать, и обманутый, какъ послѣдній мужикъ, Людовикъ, ради царствія небеснаго, стиснувъ зубы, отвѣчалъ народу: „нѣтъ!“ Толпа сдерживала свои страсти. Она лишь предложила королю надѣть на себя и на дофина фригійскія красныя шапки, какія носили защитники свободы. Король не отказался. И медленно толпа разошлась. Упрямство короля на этотъ разъ лишь подтвердило республиканскій инстинктъ массъ, но не возбудило стихійнаго гнѣва. Народъ давалъ срокъ законодательному собранію дѣйствовать.

Существуетъ легенда, будто бы послѣ іудина поцѣлуя въ саду Гефсиманскомъ Петръ, догадавшись объ измѣнѣ Іуды, воскликнулъ: „Такъ ты измѣнилъ!“—Да, отвѣтилъ Іуда, а черезъ часъ измѣнишь ты!“

„Революція пожираетъ своихъ дѣтей“, говорятъ намъ. Не лучше ли сказать, что сначала революція пожираетъ измѣну, а потомъ измѣна пожираетъ революцію? Уже не говоря о ненависти сторонниковъ разрушенной стороны, ненависти, готовой воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы потопить революцію въ потокахъ крови, почти никогда весь размахъ ея, все ея значеніе и ея крайніе предѣлы не бываютъ ясны для ея первыхъ представителей: они могутъ выражать лишь ея дѣтскій лепетъ, и, когда она мужаетъ, они ужасаются ея голоса и бѣгутъ въ станъ ея враговъ. Когда Россія кладбищенски спала, г. Шиповъ казался „опаснымъ“ министру Плеве, а публика считала его столпомъ либеральной оппозиціи. Теперь Россія заговорила совсѣмъ громко, — и Шиповъ уже ковыляетъ въ хвостѣ, испуганный, подъ руку съ негодяемъ Суворинымъ-отцомъ. „Какъ? ты измѣнилъ?“ вопрошаютъ разные либералы освобожденскаго типа. „Да, отвѣчаетъ Шиповъ, а черезъ нѣсколько дней измѣните вы!..“

Если бы Лафайетъ зналъ объ измѣнѣ Мирабо, онъ навѣрное вознегодовалъ бы! Когда генералъ Буайлье хотѣлъ вырвать Людовика изъ рукъ конституціонной еще революціи, Лафайетъ готовъ былъ кровь пролить, чтобы помѣшать этому. И что же? Людовикъ XVI, превратившись въ его глазахъ въ „конституціоннаго монарха“, рядомъ измѣнъ возбуждаетъ противъ себя негодованіе народа, а Лафайетъ повторяетъ политику реакціонера Буайлье. Уже 20 іюня онъ пишетъ грозное письмо Законодательному Собранію, требуя унять „толпу забіякъ“. Затѣмъ онъ составляетъ обдуманный заговоръ, съ цѣлью, при помощи кавалерійскаго эскадрона, похитить короля изъ Парижа и развязать ему такимъ образомъ руки. Напрасныя попытки! Людовикъ XVI не вѣритъ генералу бунтовщиковъ. „Святой генералъ“ остается висѣть въ воздухѣ, чужой въ обоихъ станахъ, жалкій представитель середины въ такое время, которое требовало крайностей. Эти измѣны промежуточныхъ классовъ неизбѣжны, и, если револю-

ція пожираетъ измѣнниковъ, то только защищая себя и логику своего развитія. Лафайетъ въ концѣ концовъ попалъ въ невыносимое положеніе и... бѣжалъ къ эмигрантамъ. Господа маркизы и герцоги не простили „святому генералу“ его розовыхъ взглядовъ и аккуратно-умѣреннаго освобожденства,—они заключили его въ тюрьму. Это случилось уже послѣ событій 10 августа, но тутъ достойно замѣчанія одно: если революція наполовину „сожрала“ своего первенца, то додѣлала это дѣло реакція. Я сказалъ, что революція въ началѣ пожираетъ измѣну,—въ концѣ концовъ измѣна пожираетъ революцію: крайніе революціонеры, нашедшіе въ себѣ мужество идти до крайнихъ границъ революціоннаго размаха, гибнутъ жертвами не революціи, въ собственномъ смыслѣ слова, а реакціи, — сперва начинающагося охлажденія, разочарованія, страховъ, потомъ прямыхъ переворотовъ реакціоннаго характера. Революція почти всегда развиваетъ въ массахъ и личностяхъ такую энергію, что временно выходитъ изъ тѣхъ береговъ, изъ тѣхъ желѣзныхъ рамокъ, которыя положены ей экономическими условіями общественной жизни, степенью ея развитія и формами общественнаго производства. Но въ глазахъ народа, въ глазахъ пролетаріата, все снова и снова, все дальше и дальше идущаго по пути ниспроверженія всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ,—позоромъ покрыты малодушные, измѣняющіе революціи въ ея поступательномъ шествіи, славой—тѣ, кто падаетъ, какъ ушедшій слишкомъ далеко впередъ авангардъ освобожденія людского рода отъ рабства и всякой зависимости.

Война объявлена. Пруссаки приближались. Съ замирающимъ сердцемъ ждали при дворѣ того дня, когда дорогой „непріятель“ раздавитъ „бунтовщиковъ“. Королева, оглядываясь со страхомъ на Парижъ, часто повторяла: „Лучше всего было бы провести этотъ промежутокъ времени замурованными въ башнѣ“. Тайные гонцы сновали. Не мало было въ Парижѣ вѣрныхъ слугъ реакціи, преданныхъ сторонниковъ угнетенія: тысячи священниковъ, не принявшихъ присяги, разный близкій ко двору людъ, ростовщики и производители предметовъ роскоши, боявшіеся потерять заработокъ при республиканскихъ строгихъ нравахъ. Все это ждало „освободительнаго пруссака“ и помогало ему изъ нѣдръ Франціи, чѣмъ могло.

Законодательное Собраніе не могло не видѣть этого. Съ измѣнникомъ королемъ во главѣ, съ тысячами измѣнниковъ въ Парижѣ, страна не могла бы побѣдить натиска кичливаго Брауншвейга, ведшаго на нее свои полчища. Но Собраніе растерялось. Оно только и смогло, что аппелировать къ революціонному народу, торжественно объявивъ, что *„отечество въ опасности“*.

29 іюня Парижъ прочелъ наглый манифестъ Брауншвейгскаго герцога. Народъ рѣшилъ, что терпѣть дальше нельзя. Начинается страшное броженіе въ рабочихъ и мѣщанскихъ предмѣстьяхъ 47 коммунъ Парижа, т. е. собранія делегатовъ, наиболѣе близ-

кихъ бѣдному люду, потребовали у Законодательнаго Собранія (3 августа) низложенія короля. Законодательное Собраніе не рѣшалось на это. Оно все еще боялось сильныхъ конституціоналистовъ, національной гвардіи, которой командовалъ еще „преданный“ конституціи Лафайетъ, остатковъ, королевскихъ войскъ. Законодательное Собраніе, съ Жирондой во главѣ, боялось того, что реакція, вмѣстѣ съ конституціоналистами, окажется все же сильнѣе республиканскихъ партій. Городскія власти были въ рукахъ Фельяновъ, хотя мэромъ былъ чопорный, но пустой, велеречивый, но пошлый полужирондистъ Петіонъ.

Сначала дворъ былъ испуганъ броженіемъ въ пригородахъ, но, видя общую нерѣшительность, успокоился. Вся семья короля горячо молилась милосердному небу, чтобы пруссаки поскорѣе разбили „моихъ дорогихъ французовъ“.

Тогда организацію чисто-народнаго движенія 10 августа 1792 года взялъ на себя человѣкъ, котораго Марксъ называетъ „величайшимъ революціоннымъ тактикомъ“ — Дантонъ. Самъ онъ внѣшнимъ образомъ не принималъ участія въ событіяхъ этой ночи, но его рука видна въ великолѣпной организаціи дѣла. „Революцію не организуютъ“, говорятъ намъ. Да, но прямую борьбу съ реакціей и измѣной,—ее организуютъ!

Въ 12 часовъ ночи 10 августа зданіе городской думы было освѣщено, и представители буржуазіи — адвокаты, фабриканты и купцы, избранные богатымъ Парижемъ, засѣдали тамъ, встревоженные всѣми трудными обстоятельствами и, какъ имъ на роду написано, нерѣшительные...

Неожиданно является толпа изъ 82 человѣкъ и заявляетъ, что Парижскія Секціи выбрали новыхъ уполномоченныхъ, въ виду опасности, грозящей народу. Въ числѣ 82-хъ было не мало рабочихъ, особенно ремесленниковъ, были мелкіе торговцы, мелкіе канцеляристы, словомъ лица изъ низшихъ слоевъ общества. Ничего вызывающаго или угрожающаго не было въ ихъ тонѣ. Они просили лишь о томъ, чтобы имъ отвели въ зданіи думы комнату для совѣщанія. Эта скромная просьба была удовлетворена. И вотъ, въ эту ночь, отдѣленные лишь стѣною, засѣдали двѣ коллегіи, двѣ думы: буржуазная и народная. Нѣтъ сомнѣнья, что задачей народной думы было изгнать буржуазную и объявить себя единственной законной властью въ Парижѣ, но демократы дѣйствовали поразительно выдержанно и хладнокровно, слѣдуя повидимому плану Дантона. Не болѣе, какъ черезъ часъ послѣ этого, гдѣ то далеко, въ одномъ изъ пригородовъ, раздался слабый и робкій набатъ. И 82, и конституціоналисты, каждые въ своей залѣ, прислушивались. Набатъ росъ, одна колокольня за другой отвѣчала: то колонны вооруженнаго народа собирались по приходамъ, чтобы медленно и осторожно двинуться затѣмъ ко дворцу.

По мѣрѣ того, какъ звонъ набата распространяется по Парижу,

наиболѣе робкіе изъ буржуазныхъ отцовъ города улепетываютъ подъ разными предлогами, оставляя свои кресла пустыми. Предмѣстье св. Антонія, предмѣстье св. Марселя и „Марсельскіе союзники“, прибывшіе въ Парижъ съ юга поддерживать революцію, тѣсными колоннами наступаютъ къ центру.

Можно ли было разсчитывать на то, что французскіе полки и даже національная гвардія не станутъ стрѣлять? Полной увѣренности въ этомъ не могло быть. Развѣ національные гвардейцы не устроили бойни 17-го іюля 1791 года. Защита города и дворца была поручена Манда, генералу отнюдь не народолюбивому. Манда велѣлъ занять новый мостъ батареей, чтобы пресѣчь всякую возможность соединенія обоихъ береговъ Сены. Во многихъ мѣстахъ имъ поставлены были засады, которыя должны были пропустить колонны народныхъ бойцовъ и потомъ обрушиться на нихъ среди ночной темноты съ тыла. Улицы, выходившія ко дворцу, были преграждены патрулями и пикетами. Малѣйшая ошибка въ планѣ возстанія, — и „бунтовщики“ могли быть разстрѣляны, еще разбитые на части, не соединившіеся. Но 82, убѣдившись черезъ вѣстовыхъ, что народъ дѣйствительно поднялся и вооружился, попросили законную городскую власть распорядиться удалить батарею съ моста. Послѣ нѣкотораго замѣшательства приказъ былъ данъ. Затѣмъ 82 просятъ отцовъ города пригласить Манда въ думу для нѣкоторыхъ свѣдѣній. И это распоряженіе дѣлается. Манда, занятый укрѣпленіемъ дворца Тюльери, съ досадой выругался, получивъ приказъ, но все же отправился въ думу. Отцы города приняли его дружелюбно, просили избѣжать, если можно, кровопролитія и отпустили. Но при выходѣ изъ залы собранія легальной думы защитникъ короля былъ остановленъ нѣсколькими комиссарами думы нелегальной и представленъ передъ ея лицо. 82 весьма вѣжливо предложили Манда подписать приказъ объ удаленіи войскъ изъ Тюльери, Манда рѣзко и вспыльчиво отказалъ. Тогда былъ введенъ офицеръ, который показалъ присутствующимъ приказъ Манда о нападеніи съ тыла на рабочихъ предмѣстья св. Антонія. 82 постановляютъ арестовать Манда, какъ измѣнника народу. По дорогѣ въ тюрьму онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. Начальникомъ національной гвардіи 82 объявляютъ Сантерра. Теперь 82 добились всего, что имъ было нужно отъ буржуазныхъ градоправителей; они шумно входятъ въ залу легальной думы и просятъ оставшихся еще тамъ представителей буржуазіи немедленно удалиться.

Теперь о небольшомъ, но характернѣйшемъ комическомъ случаѣ. Мэромъ Парижа былъ въ то время близкій къ жирондистамъ Петіонъ. Онъ былъ лишенъ всякихъ монархическихъ предразсудковъ, умѣлъ угадать настроеніе массъ и во время польстить имъ, не нарушая своего холоднаго, натянутаго, республикански добродѣтельнаго вида. Дрянной честолюбецъ, полный самой сомнѣнья и въ

то же время трусливый, онъ зналъ всѣ позы и фразы, которыя могутъ нравиться народу и временно всплылъ на поверхность; либералы вѣрили ему, потому что онъ казался разсудительнымъ; народу онъ казался независимымъ и неподкупнымъ.

Революціонеры, организаторы 10 августа, считали Петіона болѣе или менѣе своимъ человѣкомъ и предупредили его о готовившихся событіяхъ. Петіонъ, по существу своему либералъ, страшно струхнулъ: какъ быть? какъ угадать, кто побѣдитъ? Можно ли стать рѣшительно на сторону конституціи? Вѣдь побѣдоносная революція не проститъ этого?!... Но если порядокъ восторжествуетъ, прощай тогда Петіонъ!... Ласковый теленокъ убѣдился, что дальше нельзя сосать двухъ матокъ. И вотъ, мэръ Парижа взмолился къ революціонерамъ, чтобы они его арестовали передъ началомъ своихъ дѣйствій: „такъ я буду неотвѣтственъ". Но революціонеры забыли арестовать Петіона! Какія муки!.. Въ думѣ засѣдаютъ двѣ коллегіи, набатъ гремитъ!.. А войска собраны вокругъ дворца, и кто знаетъ, какъ будетъ вести себя національная гвардія... Къ кому идти? Что предпринять?.. Петіонъ отправился къ королю. „Я здѣсь, Ваше Величество... Если Вамъ будетъ угодно распорядиться чѣмъ нибудь"... Пауза. „Кажется въ Парижѣ неспокойно?...—спросилъ король. „Да, волненіе велико", отвѣтилъ Іуда въ квадратѣ, затѣмъ раскланялся и удалился. Что же дальше? Въ то время, какъ обѣ силы готовились къ схваткѣ, „голова" Парижа, Петіонъ, гулялъ въ Тюльерійскомъ саду, мучимый безпокойствомъ. Идти во дворецъ онъ не смѣлъ, потому что слишкомъ косо и мрачно поглядывали во дворцѣ на „демагога"; идти въ Парижъ опасно: тамъ надо занять опредѣленное положеніе. Только Законодательное Собраніе также гнусно колебалось, и Петіонъ запиской просилъ его вызвать мэра Парижа подъ какимъ нибудь предлогомъ. Это было сдѣлано. По дорогѣ туда Петіонъ наконецъ, — о, счастье! — былъ арестованъ. Онъ притворился очень изумленнымъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ заявлялъ, что его, кажется, нельзя заподозрить... въ чемъ? въ измѣнѣ кому?

Такихъ Петіоновъ мы еще увидимъ и въ Россіи...

Дворъ, конечно, тревожился, но въ общемъ надѣялся на побѣду. Тюльери охранялся значительными силами. Набатъ затихъ. Очевидно, произошла только одна изъ неудачныхъ попытокъ мятежниковъ...

Наступило утро. Король, довольно спокойно спавшій ночью, выходитъ, чтобы сдѣлать смотръ ротамъ національной гвардіи. И вдругъ его встрѣчаютъ свистки и шиканье. Сохраняя наружное спокойствіе, Людовикъ XVI вернулся во дворецъ. Королева разрыдалась. Надежды больше не было. Ночью инсургентамъ пришлось быть осторожными, хотя засады Манда почти всюду были удалены распоряженіемъ думы. Только къ 7 часамъ утра

отряды начинаютъ сходиться у дворца. Народу на площади собирается все больше.

Вдругъ толпа смѣльчаковъ сразу бросается на ворота и вышибаетъ ихъ ударами топоровъ и пикъ. Рэдерэръ, прокуроръ старой буржуазной думы, убѣждаетъ солдатъ, избѣгая кровопролитія, твердо сохранять, однако, оборонительныя позиціи. Канониры узнаютъ въ толпѣ товарищей и друзей и разряжаютъ пушки. Черезъ ограду лѣзутъ молодые люди и бросаются обнимать національныхъ гвардейцевъ. Тогда Рэдерэръ посовѣтовалъ королевской семьѣ бѣжать подъ покровительство Законодательнаго Собранія. Король согласился. Національная гвардія выстроилась шпалерами, сдерживая толпу, и семья побѣдителей Франціи побрела въ плѣнъ. Король казался равнодушнымъ. Чтобы не привлекать къ себѣ чрезмѣрнаго вниманія, онъ надѣлъ на себя каску національнаго гвардейца. На аллеѣ валялась много листьевъ. „Въ этомъ году рано начался листопадъ!“ — сказалъ Людовикъ. Не безъ затрудненія достигла королевская семья Собранія. Гвардеецъ посадилъ принца на трибуну. Король сѣлъ рядомъ съ предсѣдателемъ и сказалъ: „Я пришелъ, чтобы спасти націю отъ великаго преступленія“.

День прошелъ бы безъ особеннаго кровопролитія, если бы король не *забылъ* о своихъ швейцарцахъ. Не получая приказа удалиться, тѣлохранители швейцарцы рѣшили оборонять дворецъ и нѣсколько часовъ шло кровавое сраженіе, въ которомъ безполезно гибли послѣдніе остатки королевскихъ силъ.

На этомъ мы закончимъ очерки изъ Великой Революціи. Выводъ изъ намѣченныхъ нами моментовъ ясенъ. Именно народъ правильно угадывалъ интересы революціи и толкалъ ее впередъ, когда она останавливалась на мертвыхъ точкахъ. Если Великая Революція не могла побѣдить реакціи, если реакція вспыхнула таки и еще на нѣкоторое время восторжествовала, то это потому, что недоразвитый капиталистическій строй не давалъ того фундамента, который необходимымъ для истиннаго народоправленія. Экономическая организація Франціи и всей Европы неминуемо должна была быть капиталистической; мелкая буржуазія не могла противопоставить капитализму ничего прочнаго, пролетаріатъ и подавно, такъ какъ его сила заключается въ томъ, что онъ—наслѣдникъ и побѣдитель капитала, растущій именно въ нѣдрахъ капитализма.

Крупная и средняя буржуазія боялась народной революціи и ненавидѣла ее; она готова была лизать солдатскіе сапоги человѣка, который далъ бы имъ возможность „дѣлать дѣло“ и принудилъ бы молчать страждущій народъ. А народъ не могъ обойтись безъ услугъ капитала, не могъ широко и сознательно организовать производство и разрѣшить финансовый вопросъ. Революція убила враговъ капитала, онъ сумѣлъ использовать ее въ своихъ интересахъ и, попирая свободу, равенство и

братство, во имя которыхъ онъ звалъ подъ свои знамена народъ, капиталъ расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ, создалъ колоссальныя средства производства, создалъ классъ, которому легко взять его въ свои руки и организовать его на новыхъ, высоко совершенныхъ началахъ.

Недалеко то время, когда кончится миссія капитала,—въ одно и то же время, могучаго организатора производства и проклятаго расточителя силъ человѣческихъ. Пролетаріатъ придастъ производству еще болѣе неслыханный, изумительный размахъ, не питая въ то же время производства живыми душами и кровью, не нагромождая сокровищъ у однихъ, не изнуряя другихъ.

Послѣсловіе.

Извѣстный ученый и революціонеръ Каутскій въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей указываетъ на то, что Великая французская революція дала колоссальный толчекъ прогрессу человѣчества, создавъ во Франціи революціонный духъ и революціонныя традиціи, могуче дѣйствующія еще и по сію пору. Но если Великая революція жива до сихъ поръ, то это потому, что простонародью, т. е. пролетаріату и мелкой буржуазіи, удалось добиться власти и продолжительное время защищать революцію и ея идеалы отъ свирѣпой реакціи, сдерживая ее терроромъ: если бы революція прошла мирно, безъ «излишествъ», не занимая такихъ позицій, въ которыхъ навсегда нельзя было удержаться, если бы она прошла такъ, *какъ желали того либералы*, тогда, говоритъ Каутскій, все движеніе пролетаріата впередъ къ свободѣ и соціализму несомнѣнно крайне замедлилось бы

Но почему же «Гора», т. е. представители мелкой буржуазіи и пролетаріата не могли удержать завоеванныхъ ими позицій? Потому, что ихъ сила была въ поддержкѣ бѣднѣйшей части народа. Трудящемуся люду прежде всего надо было хлѣба, улучшенія его участи, а этого можно было достигнуть только улучшенной организаціей производства и обмѣна. Народъ все яснѣе понималъ, что ему нужны коренныя *экономическія* реформы, но какія? Кое-что дѣлалось въ этомъ направленіи Робеспьеромъ и его сподвижниками, но ихъ мѣры, страшно раздражая крупную и среднюю буржуазію, ничуть не уменьшали невыносимой нужды народныхъ массъ.

Эти массы должны были неминуемо охладѣть къ демократической диктатурѣ, которая не въ силахъ была улучшить хоть сколько нибудь ихъ участи и кормила ихъ однѣми краснорѣчивыми фразами. Крайніе, наиболѣе смѣ-

лые умы, какъ Бабефъ, понявъ это, затѣяли коренной соціальный переворотъ, пытались осуществить своеобразный коммунизмъ, но и эти попытки были осуждены на неминуемый крахъ.

Для осуществленія идеаловъ соціализма необходима наличность трехъ условій:

1) Производство должно быть въ значительной мѣрѣ сконцентрировано капиталомъ, т. е. сосредоточено въ большихъ заводахъ и фабрикахъ, а не въ мелкихъ мастерскихъ.

2) Пролетаріатъ долженъ быть многочисленъ, сознателенъ и организованъ, а значительная часть полупролетарской массы должна въ немъ видѣть своего вождя.

3) Пролетаріатъ другихъ странъ долженъ быть въ состояніи поддержать соціалистическій переворотъ.

Ни одно изъ этихъ условій не было на лицо во время Великой революціи. Но и при такихъ страшно неблагопріятныхъ условіяхъ, осуждавшихъ заранѣе героевъ-революціонеровъ на гибель, ихъ непреклонность и мужественная рѣшимость, какъ утверждаетъ это Каутскій, дали богатое наслѣдство послѣдовавшимъ за нимъ революціонерамъ.

Въ Россіи положеніе иное. Правда, пролетаріатъ отнюдь не составляетъ большинства населенія, но онъ все же многочисленнѣе, а главное - сознательнѣе и сплоченнѣе, чѣмъ пролетаріатъ Франціи конца XVIII вѣка. Пролетаріатъ другихъ странъ не только не отсталъ отъ насъ такъ, какъ это было въ то время относительно французскаго пролетаріата, но, наоборотъ, развитѣе и сильнѣе насъ. Намъ нечего бояться, что непреодолимое препятствіе—недостаточное развитіе капитализма въ Россіи станетъ намъ поперекъ дороги, если бы мы даже сумѣли организовать и просвѣтить всѣ наличные милліоны русскихъ пролетаріевъ! Только просвѣщайтесь, только организуйтесь—и все разступится передъ вами, братья пролетаріи! Но для роста сознательности и организованности нашей намъ необходимы: 1) полная политическая свобода, гарантируемая лишь демократической республикой и 2) улучшеніе нашего быта уже теперь, насколько это возможно въ рамкахъ капитализма.

И тутъ то сказывается еще одно наше огромное преимущество. Нашъ соціализмъ не мечта, которая, можетъ

быть, сбудется, а можетъ и нѣтъ; нашъ соціализмъ не утопія, которую будто бы можно создать отчаяннымъ порывомъ въ любое время: нашъ соціализмъ—научен ъ, мы знаемъ безусловно, что завоюемъ его непремѣнно, что капитализмъ самъ его подготовляетъ, что усилія наши увѣнчаются успѣхомъ, и потому-то *мы можемъ ждать*, мы можемъ спокойно и прилежно трудиться изо дня въ день, чтобы сознательно помогать тѣмъ историческимъ стихіямъ, которыя его уготовляютъ. Вотъ почему у насъ есть *программа-минимумъ*, программа того, что уже можно осуществить немедленно, что должно быть достигнуто теперь же, какъ фундаментъ для дальнѣйшей работы.

Но какъ можемъ мы разсчитывать на то, что большинство русскаго народа пойметъ выгоды осуществленія нашей программы-минимумъ? Развѣ русскій крестьянинъ республиканецъ? Развѣ мы не знаемъ, что одну львиную долю его навѣрное удастся развратить попамъ и полиціи, а другую умѣреннымъ либераламъ? Если революція пойдетъ у насъ мирно—такъ, *какъ хотятъ того либералы*, то не видать намъ свободы и улучшенія нашего быта еще долгіе годы. Если же авангарду революціи—соціальдемократическому пролетаріату и сознательно-республиканскому мѣщанству и крестьянству удалось бы создать временное революціонное правительство въ Россіи, тогда мы пошли бы впередъ семимильными шагами. Временное правительство революціонное осуществило бы программу минимумъ, оно дало бы народу тѣ реформы, которыхъ она требуетъ, и пусть послѣ этого ихъ вырвутъ у него! За короткое даже время существованія—временное правительство несомнѣнно превратило бы большинство нашего народа въ убѣжденныхъ республиканцевъ, а этимъ начатъ былъ бы новый періодъ борьбы, борьбы за соціализмъ, періодъ быть можетъ, уже недолгій.

Но что нужно дѣлать и чего избѣгать при осуществленіи временнаго правительства и внутри его—этому особенно ярко учитъ насъ революція во Франціи въ 1848—1849 году. Объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ.

